

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
LXII-LXIII международной научно-практической
конференции*

№ 6-7 (57)
Июль 2016 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2016

УДК 3
ББК 6/8
А 43

Ответственный редактор: Васинович М.А.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич – канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии, докторант Харьковского национального университета им В.Н. Каразина.

Редакционная коллегия:

Гужавина Татьяна Анатольевна – канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Карпенко Татьяна Михайловна – канд. филос. наук, рецензент АНС «СибАК»;

Купченко Константин Владимирович – канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры менеджмента и права Костромской государственной сельскохозяйственной академии;

Прошин Денис Владимирович – канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепрпетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич – канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Тараров Яков Владимирович – д-р филос. наук, проф., заведующий кафедрой философии Национального технического университета «Харьковский политехнический институт»;

Шахметова Венера Рюзальевна – канд. ист. наук, доц. кафедры новейшей истории России ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национально-исследовательский университет».

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам LXII-LXIII междунар. науч.-практ. конф. № 6-7 (57). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. 96 с.

Учредитель: АНС «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Статьи, принятые к публикации, размещаются в полнотекстовом формате на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление	
История	5
Секция «Всемирная история»	5
ИРАНско-КАСПИЙСКИЙ МАРШРУТ В «ИЗВЕСТИЯХ» ДОНА ХУАНА ПЕРСИДСКОГО Асташкин Руслан Сергеевич	5
Секция «История России»	15
ПЕРВАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ КУСТАРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1911–1913 ГГ. Карташова Мария Вячеславовна	15
СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИЦЕЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ Рязанов Сергей Михайлович	22
Политология	31
Секция «Методология политического анализа»	31
ТОЛКОТТ ПАРСОН О МЕТАМОРФОЗАХ ВЛАСТИ Ефимова Наталья Михайловна	31
Социология	37
Секция «Социология коммуникаций»	37
МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ СОЦИАЛЬНЫМ КОНФЛИКТОМ Соломатина Елена Николаевна	37
ВЛИЯНИЕ МОБИЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННЫЕ ГОРОДСКИЕ ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА Антонова Александра Андреевна	45
Философия	50
Секция «Динамика современной культуры»	50
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ: КОРПОРАТИВНОСТЬ И РУКОВОДИТЕЛЬ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА Тараканов Александр Валерьевич	50

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ САМОБЫТНОСТИ НАРОДА Черепова Анна Андреевна	55
Секция «Онтология и теория познания»	61
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «НАЧАЛО» Андреева Ольга Сергеевна	61
Секция «Социальная философия»	69
ПОТРЕБНОСТЬ В ВЫСШЕЙ ДУХОВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ Базаров Отабек	69
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ЕВРОПЕ Гасымова Нармина Вагиф гызы	75
ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ Куняшова Елена Валерьевна	81
СУЩНОСТЬ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ Ликсунова Анна Сергеевна	85
РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ: МЕТАМОРФОЗЫ ПРОБЛЕМЫ Улевич Елена Стефановна	90

ИСТОРИЯ

СЕКЦИЯ

«ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ»

ИРАНско-КАСПИЙский МАРШРУТ В «ИЗВЕСТИЯХ» ДОНА ХУАНА ПЕРСИДСКОГО

Асташкин Руслан Сергеевич

*канд. ист. наук, доц. кафедры государственного
и муниципального управления
Самарской государственной сельскохозяйственной академии,
РФ, г. Самара
E-mail: biblio.min@mail.ru*

THE IRANIAN-CASPIAN ROUTE IN THE “NEWS” OF DON JUAN THE PERSIAN

Ruslan Astashkin

*candidate of Science, assistant professor at the Department of the State
and the Municipal Government of Samara State Agricultural Academy,
Russia, Samara*

АННОТАЦИЯ

Предпринята попытка проанализировать сведения об иранско-каспийском пути, содержащиеся в воспоминаниях персидского вельможи начала XVII в., известного как «Дон Хуан Персидский». Данный текст рассмотрен в контексте попыток европейцев закрепиться на волжско-каспийском маршруте, соединявшем Запад с Востоком. Сделан вывод, что сообщения Дона Хуана должны были представлять значительный интерес для современников.

ABSTRACT

The attempt to analyze the information on the Iranian-Caspian route contained in the memoirs of the Persian nobleman of the beginning of the XVIIIth century known as “Don Juan the Persian” is made. This text is viewed in the context of the Europeans’ attempts to foothold on the Volga-Caspian route connecting the West with the East. The conclusion that the reports of Don Juan should be of much interest for the contemporaries is made.

Ключевые слова: история; торговля; Волга; Каспийское море; Персия.

Keywords: history; trade; the Volga river; the Caspian Sea; Persia.

«Известия Дона Хуана Персидского», изданные в Испании в 1604 г., принадлежали перу бывшего персидского вельможи, входившего в состав дипломатической группы Хусейнали-бека. Данное посольство было организовано в 1599 г. шахом Аббасом I, искавшим на Западе союзников в борьбе с турками. Известно, что шесть участников шахской делегации крестились по католическому обряду и отказались возвращаться на родину. В число неофитов входил некий Орудж-бек, принявший имя Дона Хуана Персидского. Заметим, что послы Аббаса, следуя в Европу, воспользовались Великим Волжским путем, лежавшим в пределах Московского царства. При этом в XVI–XVII вв. европейцы как раз проявляли большой интерес к Поволжскому региону, соединявшему Запад с Азией (прежде всего с той же Персией, через Кавказ и Каспийское море). Этот феномен подкреплялся «меркантилистской» направленностью экономической мысли и соответствующей политикой некоторых государств [2; 9; 10]. Условный «восточный вопрос» можно изучать в качестве аспекта тогдашних российско-европейских отношений [5; 6; 7]. В самой Московской Руси также оценивались перспективы освоения бассейна Волги с точки зрения внешнеторговых интересов казны [3; 4; 8]. В нашем же исследовании мы рассматриваем Великий Волжский путь как отрезок более обширного Волжско-Каспийского маршрута. Эта тематика, затронутая в т. ч. в «Известиях» Дона Хуана, сохраняла актуальность для западных читателей в течение всего XVII века [1, с. 8].

Представляется удобным классифицировать сообщения Орудж-бека по следующим тематическим разделам:

- краткие сведения о некоторых регионах Персии и их торгово-экономической специализации;
- информация о текущей обстановке, сложившейся в Иранском государстве на рубеже XVI–XVII вв.;

- собственно, описание суммарного волжско-каспийского маршрута (а точнее, одной из его возможных линий).

К первому разделу мы относим данные, касающиеся прикаспийских провинций Персии, а также некоторых внутренних местностей шахского государства. Эти области с их городами привлекали внимание европейцев, поскольку там было сосредоточено производство важнейших персидских товаров. Выработка шелка, парчи, бархата осуществлялась в Исфахане, Кашане, Тебризе, Казвине; ткани из верблюжьей шерсти закупались в том же Казвине, из овечьей шерсти – в Мазендеране [15, с. 191]. Здесь же можно было приобрести ковры, керамические и кожаные изделия, холодное оружие [15, с. 191]. Особняком стояли Ширван и Гилян, обеспечивавшие львиную долю предложения на рынке шелка. Все указанные территории и города либо лежали на волжско-каспийском пути, либо примыкали к нему. В тексте Орудж-бека можно обнаружить справочную информацию о многих из перечисленных локаций. Например, Ширван у персидского автора – это провинция к северу от Гиляна, «вдоль западного берега Каспийского моря в сторону Баку» [19, с. 31]. В Ширване всего пятнадцать городов; в столице – Шемахе – проживает «50 тысяч домовладельцев (или 225 тысяч душ)» [19, с. 31]. Орудж-бек свидетельствует, что для Ширванского ханства характерны «очень здоровая» (т. е. не грозящая инфекциями) местность и «прекрасный» климат [19, с. 31]. Автор замечает, что здесь производится много шелка [19, с. 31]. Дон Хуан описывает и некоторые другие провинции, примыкавшие к бассейну Каспия. Это, в частности, Астрабад (он же Горган, регион у юго-восточной оконечности моря) и Мазендеран (гористая область к востоку от Гиляна, на южном побережье) [19, с. 31]. Характеристика, данная восточным частям Персии (прежде всего Хорасану), не входит в предмет нашего исследования. Заметим лишь, что Орудж-бек упоминает торговлю «с Индией, Московией и двумя владениями Татариин» [последнее могло означать любую территорию в пределах Центральной и Средней Азии, Китая и т. д. – Р.А.], которой занимались жители другой восточной провинции – Герата [19, с. 32]. Подобная информация, очевидно, должна была заинтересовать западных купцов, рассматривавших Персию как транзитную зону между Европой и отдаленными частями Азии. Ссылка на лежащую к северо-западу от Хорасана «Московию» словно дополнительно постулирует соответствующие маршрутные связи. Сообщения автора о Гиляне и внутренних персидских провинциях, вошедшие в путевой дневник посольства, будут рассмотрены нами ниже.

Сведения из второй группы отражают динамику истории Ирана конца XVI – начала XVII вв. Не секрет, что многолетнее правление Аббаса Великого (1587–1629 гг.) начиналось в крайне неблагоприятных условиях. Так, персидско-турецкая война 1578–1590 гг. ознаменовалась победой султана, и в результате держава Сефевидов потеряла власть над Закавказьем. В свою очередь, восточные земли шахского государства – Хорасан с Мервом и Гератом – стали объектом агрессии бухарских ханов [15, с. 179]. Дон Хуан так характеризует ситуацию, сложившуюся накануне 1587 г.: «Положение во всей Персии, пришло в полное расстройство ... Многие провинции открыто восстали, и едва одна область приводилась в подчинение, как в другой поднимался мятеж» [19, с. 130]. Однако в 1603 г. персы отобрали у Турции свою прежнюю столицу – Тебриз, а уже к 1607 г. им удалось занять остальные территории, утраченные было в конце XVI в. [15, с. 185]. Одновременно шах Аббас инициировал преобразования, способствовавшие оживлению экономической жизни [15, с. 181–185]. Очагами роста стали города Западного и Центрального Ирана, т. е. Исфахан, Казвин, Кум, Кашан, Решт. Другой эпицентр подъема располагался в персидском Закавказье: он охватывал Азербайджан и все тот же Ширван [15, с. 192]. Конечно же, в сочинении Орудж-бека нельзя найти подробного описания политики Аббаса I – хотя бы потому, что автор безвозвратно покинул родину еще в 1599 г. Характерно, впрочем, что третья книга «Известий» начинается следующей фразой: «Шах Аббас жил в мире, покое и довольстве, отдыхая в своих поместьях, наслаждаясь победами, одержанными над врагами и покоренными провинциями» [19, с. 143]. Европейские читатели Дона Хуана должны были сделать недвусмысленный вывод: Персия не только преодолела недавний кризис и вернулась в число преуспевающих и безопасных стран, но и приобрела потенциал дальнейшего роста. Именно в этом, как мы полагаем, состояло актуальное значение сведений, отнесенных нами ко второму разделу.

Сообщения Орудж-бека о плавании по Волге были проанализированы нами в отдельной публикации [1], поэтому далее мы остановимся на стартовом отрезке поездки, охватившем определенные регионы Персии и акваторию Каспийского моря. Эту часть большого Волжско-Каспийского пути (от Исфахана до Астрахани) можно условно назвать «персидской» или «иранско-каспийской». Еще в 1476 г. венецианский посол А. Контарини, возвращаясь из Персии, отплыл из Дербента до Астрахани и затем поднялся по Волге до Москвы [16, с. 216–220]. Так было положено начало новейшему освоению европейцами волжского пути в Иран. Впечатляющих успехов здесь добились представители английской

Московской компании. В 1562 г. Э. Дженкинсон спустился по Волге до Астрахани, откуда отплыл морем в Дербент; далее он проследовал в Шемаху и Казвин [7, с. 97–98]. Дальнейшие английские экспедиции повторяли первоначально освоенный маршрут [7, с. 99–100; 102]. Очевидно, что опорной базой Московской компании на территории Персии была Шемаха с ее приморскими окрестностями. Именно здесь западные визитеры получали доступ к вожделенной шелковой торговле. Но в результате персидско-турецкой войны Сефевиды потеряли контроль над Дагестаном и Дербентом, а в 1585–1588 гг. турки завладели Ширваном и Азербайджаном [15, с. 178]. Об этих событиях сообщал по горячим следам английский купец и дипломат Дж. Горсей, живший тогда в России [12, с. 105]. При этом мы не можем согласиться с советскими иранистами, утверждавшими, что к началу правления Аббаса I «Волго-Каспийский путь был перекрыт турками» [15, с. 180]. Нужно говорить не столько о полном занятии турками указанных дорог, сколько о разорении местностей, пострадавших от войны. Впрочем, пока Дербент и Ширван принадлежали султану, ни европейцы, ни сами персы не имели шанса использовать традиционный вариант волжско-каспийского маршрута. Альтернативу Шемахе могло составить Гилянское ханство, располагавшееся на юго-западном берегу Каспия. Богатый шелком Гилян был известен европейцам еще до персидско-турецкого конфликта [11, с. 218; 23, с. 224]. Итак, военное поражение Персии сделало неизбежным перемещение «персидской» части волжско-каспийского пути: плавание из Астрахани в Дербент с последующим вояжем в Ширван и аналогичная обратная дорога заменялись морским маршрутом «Гилян-Астрахань». Именно к этому варианту, что вполне понятно, прибегнуло посольство Хусейнали-бека.

9 июля 1599 г. шахская делегация покинула Исфахан – город к югу от Тегерана, буквально за год до того ставший столицей Сефевидов [19, с. 146]. По свидетельству Дона Хуана, город «так многолюден, что его называют Нисфи-Джахан, что на персидском языке значит «Полмира»; но если посчитать, то его население может составить 80 тысяч домовладельцев (или 360 тысяч душ), скорее больше, чем меньше» [19, с. 30]. Автор отмечает «количество гостиниц, расположенных у городских ворот, числом свыше 600, называемых здесь караван-сарай» [19, с. 30]. В Исфахане «находится 10 тысяч лавок, так называемый базар, где можно купить одежду и продукты питания» [19, с. 30]. Важной для нашего исследования нужно признать следующую фразу: «В области вокруг Исфахана разводят шелковичных червей, и здесь искусно ткут многие шелковые ткани» [19, с. 30]. Первая остановка была сделана в Кашане, куда путники добрались за четыре

дня [19, с. 146]. После двухдневного отдыха делегация доехала до Кума. Уже на следующее утро посольство вошло в город Саве (расположен близ Тегерана) [19, с. 146]. Дорога от Саве до Казвина заняла трое суток [19, с. 146]. В бывшей столице путешественники провели восемь дней [19, с. 146]. Казвин в «Известиях» – это центр одноименной провинции, расположенной «в сторону Каспийского моря» [19, с. 30]. Город окружен плодородной местностью, заполненной фруктовыми садами и огородами [19, с. 30]. Население Казвина насчитывает «свыше 100 тысяч домовладельцев (или 450 тысяч душ)» [19, с. 31]. Данная провинция включает в себя «двадцать городов, обнесенных стеной, и тысячу открытых деревень» [19, с. 31]. Покинув Казвин, посольство за пять дней доехало до Гиляна [19, с. 146]. Эта область «лежит вдоль побережья Бакинского моря, также называемого Гулзум [или Колзум; это название встречается в персидских и арабских источниках – Р.А.], или в древности – Каспийским морем» [19, с. 146]. Главный город Гиляна – Лахиджан, «население которого составляет 70 тысяч домовладельцев (или 315 тысяч душ)» [19, с. 31]. Здесь нужно пояснить, что Лахиджан (центр одноименного региона на востоке Гиляна, от перс. «лах», т. е. «шелк») являлся резиденцией гилянских ханов до завоевательного похода шаха Аббаса; после 1590 г. значение главного местного города приобрел Решт. Дон Хуан замечает, что гилянская местность «гористая и неровная, а также очень нездоровая из-за сильной жары и влажности, а эти две причины там, где они преобладают, порождают порчу» [т. е. болезни – Р.А.] [19, с. 31]. Поселения «расположены на горных склонах, ... их хорошо можно защищать» [19, с. 31]. Рельеф вообще делает данную область «непроходимой землей, где лошади мало используются для передвижения» [19, с. 134]. Заметим, что информация о времени, затраченном иранскими дипломатами на все эти переезды (от Исфохана до Гиляна), в целом соответствует опыту знаменитого голштинского посольства, проехавшего тем же маршрутом спустя почти 40 лет, а также данным других источников [18, с. 923–934; 22, с. 30].

Дальнейший проезд по суше был невозможен в силу рассмотренных выше причин, и послам предстояло выйти в открытое море. В иных условиях Хусейнали-бек и его спутники направились бы напрямик в Ширван, чтобы уже там сесть на корабль или – что было бы еще более удобным – выехать в Дербент [16, с. 216; 18, с. 947–956; 962–964]. В гилянских землях послы Аббаса задержались на десять суток [19, с. 146]. Через день после отплытия делегация переночевала на рыбацком островке; местные воды, по словам автора, были полны рыбы и «морских собак» (т. е. тюленей) [19, с. 147]. Как оказалось

позднее, это плавание стало своеобразным «фальстартом». Дело в том, что после возобновления пути корабль персов очутился в эпицентре шторма. Дон Хуан пишет: «Очень скоро, однако, стало ясно, как плохо моряки знают погоду, так как поднялась буря, и не успели мы проплыть три или четыре мили, ветер расколосил наши паруса и не единожды мы думали, что уже тонем» [19, с. 147]. Ненастье продолжалось весь день, а наутро корабль очутился «в том же порту и городе Гиляне» [неясно, какой портовый город имеется в виду – Р.А.] [19, с. 147]. Вторая попытка оказалась более удачной – за два дня судно миновало ранее пройденное расстояние, а на третьи сутки бросило якорь на восточном побережье, на полуострове Мангышлак (нынешний Казахстан). Близость этой местности к Гилян была хорошо известным фактом [6, с. 11]. Из-за шторма, воцарившегося на море, мангышлакская стоянка продлилась две недели. Напомним, что в 1558 г. на Мангышлаке высадился Э. Дженкинсон; плавание, начавшееся близ Астрахани, заняло у него около недели [14, с. 41]. А. Олеарий даже назвал Мангышлак лучшей пристанью на всем Каспии [17, с. 507]. Покинув восточный берег, персидская делегация вновь оказалась в заложниках у погоды и в итоге провела в море целых два месяца. Орудж-бек сетует, что персы «долго плыли вдоль побережья, а при попутном ветре могли бы за двенадцать дней закончить ... путешествие через Каспий» [19, с. 148]. Таким образом, плавание из Гиляна в Россию заняло без малого три месяца. На подходе к Астрахани судно едва не перевернулось из-за налетевшего шквала [19, с. 148].

Насколько затяжной оказалась каспийская навигация персов? Обратимся к примеру послов германского императора, которые в 1603 г. проследовали той же дорогой, пусть и в обратном направлении. По сообщению Г. Тектандера (после смерти С. Какаша он возглавлял эту делегацию), плавание из Астрахани в Гилян длилось всего лишь месяц [22, с. 27–28]. Иными словами, немцы управились в три раза быстрее своих персидских коллег! Торговцы из Московской компании в 1563 г. преодолели путь от Астрахани до ширванской гавани Низабат (нынешняя азерб. Ниязоба) за девять дней; само плавание заняло у них неделю [11, с. 216]. Но через два года их последователи по вине «противных ветров» затратили на ту же дорогу три недели с лишним [23, с. 221]. В 1568 г. аналогичный английский вояж продлился две недели [20, с. 251], а в 1580 г. – почти месяц [24, с. 268–270]. Рекордсменом стал Дженкинсон: в 1563 г. он, насколько можно судить, потратил на такое же плавание больше месяца [13, с. 70–71]. У Олеария дорога из Астрахани в Ширван отняла 26 дней [17, с. 470–478; 486–499]. Даже с учетом сравнительной близости Ширвана к Астрахани нужно констатировать, что послы Аббаса, плывя по Каспию, несли серьезные

временные потери. Впрочем, имеющиеся данные свидетельствуют об известной непредсказуемости таких путешествий. Так, Контарини доплыл от Дербента до Астрахани за 24 дня [16, с. 217–219], хотя, казалось бы, он находился в более выгодной стартовой позиции, нежели британцы, следовавшие в Ширван и обратно. Подобные несостыковки можно объяснить коварством морской погоды, усугублявшим общие недостатки тогдашнего судоходства. Также можно обнаружить, что сухопутные путешествия в этом регионе в любом случае проходили быстрее, чем плавания по соответствующим маршрутам [21, с. 128; 136]. Так или иначе, «гилянский» вариант путешествия из Персии в южную Россию требовал больших затрат времени на фоне традиционного «ширванского». Эта разница становится особенно заметной, если взять за основу не морской опыт Московской компании, а сообщения Контарини и Олеария о коротких переездах между Гиляном, Шемахой и Дербентом.

Нужно признать, что вариант каспийской навигации, опробованный Доном Хуаном, оставался в центре внимания европейцев совсем недолго. Как только Персия вернула себе контроль над Азербайджаном, морская дорога из Астрахани в Гилян стала рассматриваться как сугубо периферийный маршрут. И голштинцы в 1636–1637 гг., и шведский посол Л. Фабрициус в последние десятилетия XVII в. высаживались на персидскую землю в Ширване, а не в Гиляне [17, с. 469–511; 25]. Единственный достоверный пример поездки, аналогичной вояжу Дона Хуана, – это каспийское путешествие Какаша и Текандера в 1603 г. Опыт немцев при этом оказался достаточно мрачным, что, вероятно, также убеждало западную публику в преимуществах ширванского маршрута. Все это, однако, не отменяет важности сведений о Персии и Каспийском море, приведенных Оруджбеком. Кроме того, произведение Дона Хуана отличалось от основной массы подобных текстов по эмоциональному настрою. Морское плавание шахских посланников выдалось далеко не безоблачным, но следует признать, что группа Хусейнали-бека на фоне своих предшественников и последователей подверглась относительно терпимым испытаниям [13, с. 59–60; 71; 16, с. 217–218; 17, с. 474–475; 478; 491–499; 22, с. 28; 40–41; 24, с. 274; 282]. В этом смысле чтение «Известий Дона Хуана Персидского» могло дополнительно укрепить решимость тогдашних европейцев, планировавших проникнуть в Иран по Волге и Каспию.

Список литературы:

1. Асташкин Р.С. Волжский путь на Восток в «Известиях» Дона Хуана Персидского // Научный журнал «Известия Самарского научного центра РАН». – 2016. – Т. 18, № 3. – С. 5–11.
2. Асташкин Р.С. Ж.-Б. Кольбер и культура «бюрократического меркантилизма» // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Междун. науч.-практ. конф. / М-во культуры РФ, СГАКИ; под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова. – Ч. 2 – Самара: Самар. гос. акад. культуры и искусств, 2013. – С. 24–28.
3. Асташкин Р.С. Проблема взаимоотношений государства и купечества в «Политике» Юрия Крижанича // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 9 (37). – С. 26–31.
4. Асташкин Р.С. Проблема персидской торговли в «Политике» Юрия Крижанича // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: материалы Всеросс. науч. конф., посв. 20-летию высшего истор. образования в ХМАО-Югре (г. Нижневартовск, 24–25 октября 2013 г.) / Отв. ред. Я.Г. Солодкин. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. – С. 48–52.
5. Асташкин Р.С. Проблема персидской торговли в русско-голландских отношениях первой половины XVII в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2006. – № 10-1 (50). – С. 70–73.
6. Асташкин Р.С. Россия и торговая экспансия европейцев на Восток (вторая половина XVI–XVII вв.): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Самара, 2007. – 21 с.
7. Асташкин Р.С. Россия и торговая экспансия европейцев на Восток (вторая половина XVI–XVII вв.): дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2007. – 260 с.
8. Асташкин Р.С. Русско-армянский договор 1667 г. и проблема торговых путей на Восток // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2007. – № 5-1 (55). – С. 76–80.
9. Асташкин Р.С. Феномен «русского меркантилизма XVII в.» (к постановке проблемы) // Актуальные вопросы вузовской науки: сборник научных и научно-метод. статей. – Вып. 10. – Самара: Изд-во «Самарский институт управления», 2015. – С. 138–148.
10. Асташкин Р.С. Этические аспекты меркантилистских воззрений Томаса Мэна // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы: материалы II Всеросс. науч.-методол. сем. 25–26 октября 2013 г. / М-во культуры РФ, СГАКИ. – Самара: ООО «Книга», 2013. – С. 257–267.
11. Второе путешествие в Персию, совершенное в 1563 г. Томасом Олкоком, который был там убит, Джорджем Ренном и Ричардом Чини, служащими достоцитимой компании купцов, торгующих с Московией, и описанное вышеуказанным Ричардом Чини // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С. 216–219.

12. Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII вв. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 288 с.
13. Дженкинсон А. Путешествие Антона Дженкинсона в Персию // Известия англичан о России XVI в. // ЧОИДР. – 1884. – Кн. 4. – С. 57–74.
14. Дженкинсон А. Путешествие Антона Дженкинсона от гор. Москвы в России, до гор. Бухары в Бактрии // Известия англичан о России XVI в. // ЧОИДР. – 1884. – Кн. 4. – С. 36–57.
15. История Ирана / М.С. Иванов (отв. ред.). – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 497 с.
16. Контарини А. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. – М.: Наука, 1971. – С. 210–236.
17. Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием: Кн. 4 // ЧОИДР. – 1869. – № 1-2. – С. 389–692.
18. Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием: Кн. 6 // ЧОИДР. – 1870. – № 2. – С. 921–1038.
19. Орудж-бек Баят. Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята – Дон Жуана Персидского. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 211 с.
20. Пятое путешествие в Персию, совершенное г. Томасом Бэнистером и г. Джеффри Джетом, агентами Московской компании, начатое выездом из Англии в 1568 г. и продолжавшееся до 1574 г. Записано П.И. со слов Лайонеля Плэмтри // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С. 250–262.
21. Тедадьди Дж. Известия Джiovанни Тедадьди о России времен Иоанна Грозного // ЖМНП. – 1891. – № 5-6. – С. 128–147.
22. Тектандер Г. Путешествие в Персию через Московию // Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. – ИОИДР. – 1896. – С. 7–45.
23. Третье путешествие в Персию, начатое в 1565 г. Ричардом Джонсоном, Александром Китчином и Артуром Эдуардсом // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С. 219–238.
24. Уведомления и донесения о шестом путешествии в страны Персии и Мидии компании английских купцов по открытию новых мест торговли, собранные из отдельных писем за 1579, 1580 и 1581 гг., писанных Христофором Бэрроу, служащим означенной компании, к своему дяде г. Уильяму Бэрроу // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С. 263–286.
25. Фабрициус Л. Краткая реляция о трех совершенных мною путешествиях // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. – Т. 1. – Л.: Наука, 1968. – С. 145–154.

СЕКЦИЯ

«ИСТОРИЯ РОССИИ»

ПЕРВАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ КУСТАРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1911–1913 ГГ.

Карташова Мария Вячеславовна

канд. ист. наук, директор,

Балахнинский музейный историко-художественный комплекс,

РФ, г. Балахна

E-mail: kmiw@mail.ru

THE FIRST ALL-RUSSIAN CENSUS OF HANDICRAFT 1911–1913 Y.

Maria Kartashova

candidate of historical sciences, Director, Balakhna museum

of history and art complex,

Russia, Balakhna

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты исследования деятельности земледельческого ведомства Российской империи по обследованию кустарных промыслов. Автор приходит к выводу, что в 1911–1913 гг. при поддержке земств и других общественных организаций была предпринята попытка проведения первой всероссийской кустарной переписи, которой официально было охвачено 9 губерний, но в реальности обследование было проведено практически во всей империи.

ABSTRACT

The article presents the results of the research activity of the agricultural department of the Russian Empire survey handicrafts. The author concludes that in the 1911–1913 gg. with support from the zemstvos and other public organizations was an attempt of the first all-Russian handicraft census, which

was officially covered 9 provinces, but in reality, a survey was carried out in almost the whole empire.

Ключевые слова: Российская империя, Главное управления землеустройства и земледелия, кустарные промыслы, кустарная перепись, кустарно-промышленная статистика, кустарь.

Keywords: Russian Empire, Main Control land and agriculture, handicrafts, handicraft census, handicraft and industrial statistics, craftsmen, Zemstvo.

Реализовывая государственную политику по развитию кустарных промыслов в Российской империи, земледельческое ведомство (последовательно МГИ – МзиГИ – ГУЗиЗ – министерство земледелия) в конце XIX – начале XX вв. проводило статистические обследования кустарных хозяйств. Проблемы государственной кустарно-промышленной статистики в масштабах Европейской России и всей империи лишь затрагиваются в ряде работ отечественных историков и экономистов: А.А. Рыбникова [21; 22], Г.П. Петрова [25], А.В. Чаянова [1], Е.З. Волкова [2], Н.Я. Воробьева [3]. XX век был отмечен фундаментальными работами А.И. Гозулова [5], Ю.Я. Рыбакова [20], Б.Н. Миронова [15]. Современные исследователи: Ю.А. Кашаева [7], М.А. Гилько [4], Е.Л. Ли и А.Н. Демьяненко [13], используют материалы кустарно-промышленной статистики в своих работах. В настоящее время специальные работы, посвященные статистике кустарных промыслов в масштабах Российской империи, отсутствуют. Цель данной статьи – изучение деятельности земледельческого ведомства по статистическому обследованию кустарных хозяйств в Российской империи.

В 1894 г. при Отделе сельской экономии и сельскохозяйственной статистики МзиГИ был организован Кустарный комитет, который наряду со всеми вопросами, связанными с развитием и поддержанием кустарных промыслов в империи, пытался организовать текущую статистику кустарных промыслов с целью выявления наиболее существенных причин, задерживающих развитие и улучшение кустарного производства и принятия конкретных мер для развития промыслов. Земледельческое ведомство проводило исследование промыслов по территориально-видовому принципу. В 1900 г. были обследованы: корзиночный промысел в Курской, Харьковской, Полтавской, Воронежской, Пензенской, Саратовской, Самарской и Нижегородской губерниях [16, с. 143]. При этом основной акцент ставился на технике производства и сбыте кустарных изделий.

Коренной перелом в проблеме обследования кустарных промыслов происходит в 1910 г. 15 марта на 72-м заседании Государственной Думы при рассмотрении сметы Отдела сельской экономии и сельскохозяйственной статистики докладчик от бюджетной комиссии А.Ф. Бабянский выступил с развернутой программой государственной поддержки промыслов и первым ее пунктом обозначил необходимость широкого и точного обследования кустарных промыслов. Отделу на эту работу были выделены крупные финансовые средства. По сметам ГУЗиЗ в 1911 г. на обследование кустарных промыслов было израсходовано 15 тыс. руб., в 1912 г. – 27,889 тыс. руб. С 1913 г. эти суммы уменьшаются: 11,25 тыс. руб., в 1914 г. – 9,2 тыс. руб., в 1915 г. – 5,3 тыс. руб., в 1916 г. – 0,4 тыс. руб. [24, с. 21].

В сентябре 1911 г. при Отделе сельской экономии и сельскохозяйственной статистике ГУЗиЗ было собрано совещания, которое должно было разработать программу обследования кустарных промыслов. Его деятельность отражена в «Журналах совещаний по вопросу обследования промыслов в России, с приложением пояснительных записок, образцов, бланков и сведений» [18, д. 2394з; л. 1–54]. Было решено начать обследование с шести губерний: Новгородской, Нижегородской, Костромской, Рязанской, Пермской, Харьковской и семи уездов Кавказа. Задача обследования заключалась в выяснении количества кустарей, промыслов, процентном соотношении кустарей к сельскому населению, а также перед статистиками ставилась задача – определить современное положение кустарной промышленности и ее нужд в экономическом и техническом отношении. Обследование должно было преследовать главную цель: установить место кустарной промышленности в ряду других видов народного труда и степень внимания к ней со стороны правительства для выработки программы по ее развитию. Совещание надеялось на помощь губернских земских управ, но в положении не были четко оговорены те учреждения, которые будут заниматься обследованием, так как все-таки земства находились в ведении министерства внутренних дел и ГУЗиЗ непосредственно не подчинялись. Вся информация должна была стекаться в отдел сельской экономии. Но на этом обследование не заканчивалось. Вместе с основным опросным поселенным бланком Совещание хотело провести по особой программе исследование бюджета нескольких кустарей по каждому из наиболее развитых в губернии кустарных промыслов, естественно с целью выявления значения промысла в бюджете семьи кустарей [6, с. 63].

В Российском государственном историческом архиве сохранились заполненные вопросные бланки кустарной переписи по губерниям

и областям (95 единиц хранения) [19, д. 3611–3706]. Наиболее развитые в кустарно-промышленном отношении губернии занимают по несколько дел. Так, бланки Вятской губернии собраны в три дела, общим объемом 525 листов. Области и губернии с небольшим кустарным производством, такие как Амурская [19, д. 3612; л. 1–6], Карская [19, д. 3644; л. 1–3], Варшавская [19, д. 3619; л. 1–6], занимают по одному небольшому делу. Заполненные бланки переписи далеки от совершенства и вряд ли могут служить эталоном для статистики. Их неполнота и даже неграмотность была отмечена еще К.Н. Тарновским [26, с. 19] и с ним следует согласиться. Опросные листы кустарной переписи 1912 г., правда, в неполном объеме, отложились и в региональных архивах. Так, в Нижегородском архиве сохранилось лишь 2 дела в Кустарном отделении фонда Нижегородской губернской земской управы [27]. Итоги переписи только по металлургическим промыслам были опубликованы лишь в 1916 г. Сам автор, М. Савельев писал, что «настоящий очерк является первой частью работы «Кустарная промышленность Нижегородской губернии», выпускаемой Кустарным отделением Нижегородского губернского земства, согласно постановлению экстренного губернского земского собрания от 27 мая 1914 г. В цифровых выводах работа опирается на кустарную перепись, произведенную в губернии в 1912 г. Нижегородским губернским земством по предложению Министерства земледелия и землеустройства» [23, с. I].

Кроме Нижегородской губернии, материалы первой кустарной переписи были опубликованы земствами и в ряде других губерний. Заведующий оценочно-статистическим отделом Рязанской губернской земской управы С.П. Середа в предисловии к «Краткому очерку кустарной промышленности Рязанской губернии» отметил, что «настоящий очерк составлен на основании данных подворной переписи кустарных промыслов, произведенной статистическим отделением Рязанской губернской земской управы в 1912 г. Практическая цель такого издания – дать поскорее нужный материал для работы комиссии губернского земства по составлению проекта мероприятий для развития кустарной промышленности в Рязанской губернии» [8, с. I]. Статистическое отделение Псковской губернского земства при обследовании кустарных промыслов летом 1912 г., как и другие земства, следовал разработанной ГУЗиЗ программе всероссийского обследования [12, с. 5]. Составители харьковского очерка подчеркивали, что исследование проводилось губернским земством на совместные средства с ГУЗиЗ посредством сельских старост, часть из которых являлись корреспондентами отдела текущей статистики

губернского земства [11, с. 1], по постановлению губернского земства, но по плану, намеченном ГУЗиЗ. В ряде губерний, в которых специальная кустарная перепись не проводилась, материалы о текущем состоянии кустарных промыслов, собранные по разным обследованиям, были также опубликованы. В Вольнской губернии специалисты статистического бюро земства разработали анкету сами под руководством И.С. Людкевича и заведующего бюро А. Мухин [9].

ГУЗиЗ продолжил проведение первой кустарной переписи и после 1912 г. В неземских губерниях земледельческое ведомство действовало по-другому, используя в своей работе общественные организации. С мая 1913 по сентябрь 1914 г. было проведено исследование и изданы материалы по Енисейской губернии. Общее руководство работой при финансировании Отдела сельской экономики, который выделил 1500 руб., взяло на себя правление Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли в Енисейской губернии. При обществе был создан временный Отдел кустарной статистики, который возглавил А.Г. Шлихтер [28, с. V–VII]. В Томской губернии обследование кустарных промыслов было поручено в 1914 г. статистическому отделу Переселенческого управления и вновь созданному Томскому кустарному комитету, который субсидировался Отделом сельской экономики ГУЗиЗ. Издание материалов обследования кустарных промыслов Томской губернии вышло «под шапкой» Томского губернского кустарного комитета, однако, работа проводилась специалистами и корреспондентами Статистического отдела Томского Переселенческого района [14]. Иркутская губерния была обследована И.И. Серебренниковым по поручению Иркутского Биржевого комитета на средства и по плану Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики [10]. Иван Иннокентьевич весной 1912 г. получил личное приглашение взяться за обследование кустарных промыслов от самого председателя Иркутского биржевого комитета А.В. Витте.

Земские статистики и сотрудники Кустарного комитета ГУЗиЗ не были довольны проведенной переписью. В июле 1913 г. при Отделе сельской экономики и сельскохозяйственной статистике под председательством управляющего делами по кустарной промышленности А.М. Терне вновь собирается совещание по вопросу обследования кустарных промыслов. В присутствии председателей 11-ти губернских управ специалисты ГУЗиЗ приходят к заключению о проведении не порайонной, а подворной, сплошной переписи кустарных хозяйств. Такой же точки зрения придерживались и статистики. А.С. Орлов, А.А. Рыбников, М.С. Антипович настаивали на том, что статистическому обследованию должны были подлежать «все виды промысловой

деятельности населения», «необходима общая промысловая перепись» [17, с. 162]. Совещания по обследованию кустарных промыслов при Отделе сельской экономии и сельскохозяйственной статистики закончились решением провести общероссийскую кустарную перепись за четыре года, начиная с 1914 г., но начавшаяся война помешала этому.

Анализ статистических материалов кустарной переписи показал, что обращение к первичным материалам открывает перед исследователями широкие перспективы для исследования развития кустарных промыслов в последние годы существования Российской империи. Для этого необходимо разработать единый подход к обработке и анализу первичных данных с целью сведения их в одну стройную систему.

Рассмотрев деятельность ГУЗиЗ, можно утверждать, что в 1911–1913 гг. земледельческим ведомством была организована и проведена, при поддержке земств и других общественных организаций, первая всероссийская кустарная перепись, которой официально было охвачено 9 губерний, но в реальности – практически вся империя. Другое дело – качество переписи и ее статистическая точность. Здесь следует признать, что она не отвечала запросам статистики даже того времени.

Список литературы:

1. А.В. Чаянов о бюджетных исследованиях. – М: Издательский Дом ТОНЧУ, 2006. – 448 с.
2. Волков Е.З. Аграрно-экономическая статистика России: в итогах ее научных и методологических достижений, земского опыта и практики последних пяти лет революционного перелома (1865–1922 гг.). – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 495 с.
3. Воробьев Н.Я. Очерки по истории промышленной статистики в дореволюционной России и в СССР (Методы наблюдения и разработки). – М., 1961. – 132 с.
4. Гилько М.А. Влияние Транссибирской магистрали на размещение кустарных промыслов Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 4 (80). – Т. 2. – С. 51–55.
5. Гозулов А.И. Очерки истории отечественной статистики. – М.: Статистика, 1972. – 312 с.
6. Исследования кустарной промышленности и земская литература о ней // Ежегодник кустарной промышленности, 1912 год. Т. 1. Вып. 1 / Сост. В.И. Барыков и др.; Под ред. Е.Д. Максимова. – СПб., 1912. – С. 58–83.
7. Кашаева Ю.А. Кустарные промыслы Пермской губернии (конец 1880-х – 1914 г): дисс. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2007. – 283 с.

8. Краткий очерк кустарной промышленности Рязанской губернии. – Рязань: Рязан. губ. зем. управа, 1913. – [3], 37, IV с.
9. Кустарные промыслы в Волынской губернии по данным текущей сельскохозяйственной статистики. – Житомир: Волын. губ. земство, 1914. – [4], 41 с.
10. Кустарная промышленность в Иркутской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. IX. – Пг., 1915. С. 112–199.
11. Кустарные промыслы в Харьковской губернии по данным исследования 1912 года. – Харьков: Печатня С.П. Яковлева, 1913. – [3], 37 с.
12. Кустарные промыслы Псковской губернии. По исследованию 1912 г. – Псков: Типография Псковского губернского земства, 1914. – VI, 202, 151, 26 с.
13. Ли Е.Л., Демьяненко А.Н. Амурская экспедиция 1910 года: опыт организации статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйств Амурской области // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 125–133.
14. Материалы анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности. – Томск: тип. В.М. Перельмана, 1915. – 378 с.
15. Миронов Б.Н. История в цифрах: математика в исторических исследованиях. – Л.: Наука, 1991. – 165, [2] с.
16. Обзор деятельности министерства земледелия и государственных имуществ за седьмой год его существования (30 марта 1900 – 30 марта 1901 года). – СПб., 1901. – 280 с.
17. Орлов А.С. Учет численности кустарей и мелких промышленников // Труды III-го Всероссийского съезда деятелей по кустарной промышленности в С.-Петербурге 1913 г. Вып. третий. – СПб., 1913. С. 161–168.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 395. Оп. 1.
19. РГИА. Ф. 395. Оп. 2.
20. Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX в. Источниково-ведческое исследование. – М.: Наука, 1976. – 276 с.
21. Рыбников А.А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий: доклад Организационного бюро по созыву Земского съезда по вопросам о совместной деятельности земств по сбыту кустарных изделий. – М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1913. – 242 с.
22. Рыбников А.А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. – М.: Кооп. изд-во, 1922. – 52 с.
23. Савельев М. Металлические промыслы Нижегородской губернии. Вып. I. – Н. Новгород: Кустар. отд. Нижегород. губ. земства, 1916. – [2], VI, 152 с.
24. Смета доходов и расходов отдела сельской экономии и с/х статистики на 1916 г. – Пг., 1915. – 60 с.

25. Промысловая кооперация и кустарь / Сост. Г.П. Петров. Ч. 1-2. – М.: т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1917. Ч. 1. XII, 462, II с., с табл. Ч. 2. Организация и практика промысловых кооперативов в России [411] с.
26. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1995. – 269 с.
27. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 42. Оп. 240. Т. 3. Д. 127, 131 а.
28. Шлихтер А.Г. Кустарные промыслы в Енисейской губернии. (По данным статистической анкеты). – Красноярск: Енисейская губернская эл.-типография, 1915. – VII, 84,164 с: табл.

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИЦЕЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рязанов Сергей Михайлович

*канд. ист. наук, доц. кафедры библиотековедения,
документоведения и информационных технологий
Пермского государственного института культуры,*

РФ, г. Пермь

E-mail: s_ryazanov@mail.ru

SOCIAL CHARACTERISTICS OF POLICE OFFICIALS OF PERM PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR

Sergey Ryazanov

*the candidate of historical sciences, assistant professor of the department
of library science, record management and information technologies
of Perm State Institute of Culture,
Russia, Perm*

АННОТАЦИЯ

В статье на основании анализа формулярных списков полицейских чиновников Пермской губернии, отложившихся в Государственном архиве Пермского края и Государственном архиве Российской Федерации, наносятся первые штрихи к коллективному портрету полицейского периода Первой мировой войны (на примере Пермской губернии). Особое

внимание уделяется вопросам сословного происхождения, образования, карьерным успехам, а также корреляции между различными показателями. Делается вывод о том, что социальный облик полицейского чиновника к началу революции несколько эволюционировал.

ABSTRACT

The article based on the analysis of Perm police officials' formulary lists, deposited in the State Archive of Perm Region and the State archive of the Russian Federation. The author applied the first strokes of the collective portrait of a police officer during the First World War (on the example of Perm province). It made emphasize on estate origin, education, career success, as well as the correlations between the different indicators. The conclusion is that the social characteristics of the police officer to the beginning of the revolution has evolved.

Ключевые слова: полиция; просопографическое исследование; чиновничество; Первая мировая война; Пермская губерния.

Keywords: police; prosopographic study; the bureaucracy; the First World War; Perm Province.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Полиция Пермской губернии в годы Первой мировой войны» № 16-11-59001.

Широко распространенное в советской историографии представление о полицейских конца XIX – начала XX в. как исключительно о коррупционерах, систематически превышающих свои полномочия, находит широкое опровержение в новейшей историографии. Тем не менее, существует опасность впасть в противоположную крайность и излишне «идеализировать» или даже «героизировать» стражей порядка Российской империи. Помимо идеологических и конъюнктурных соображений причина подобной тенденциозности кроется в самом методе анализа, основанном на иллюстративном подходе. Безусловно в полиции Российской империи можно найти и взяточников, и «скулодробителей», и честных тружеников, и людей, отдавших жизнь «за царя и отечество».

Для более взвешенного исследования представляется необходимым обратиться к количественным методам. В качестве инструмента было избрано составление и исследование просопографической базы данных на основе сохранившихся формулярных списков и других документов из личных дел полицейских чиновников Пермской губернии начала XX в. Большинство формулярных списков классных чинов полиции сохранилось в фонде Пермского губернского правления Государственного

архива Пермского края (ГАПК. Ф. 36. Оп. 10). Дела о службе всех чиновников Министерства внутренних дел по описи разделены на 2 алфавита. Первый содержит 126 копий формулярных списков служащих, составленных по состоянию на январь-февраль 1914 г. Очевидно, что большинство из полицейских, чьи формулярные списки содержатся в массиве, служили в годы Первой мировой войны. Однако данная категория формуляров, в подавляющем большинстве случаев, содержит сведения о карьере исключительно за предвоенный период. Второй алфавит включает 415 «дел о службе», в которых, помимо формулярных списков, содержится масса иных документов, способных дополнить или подтвердить биографические данные. Во втором алфавите помимо чиновников, которые служили во время Первой мировой войны, имеются и те, кто, по тем или иным причинам, оставили гражданскую службу в Пермской губернии в начале XX в., до июля 1914 г.

Не смотря на значительный объем формулярных списков, приходится констатировать, что сохранились сведения далеко не по всем полицейским, служившим в 1914–1917 гг. Причем, по некоторым структурным подразделениям, утрачена большая часть. Например, при сравнении с перечнем полицейских чиновников, служивших на 1 ноября 1916 г. [1, с. 11], выясняется, что в ГАПК имеются формулярные списки 10 из 14 (71 %) полицейских Пермского уезда и только 3 из 36 (8 %) полицейских Пермской городской полиции. Данные о некоторых руководителях полиции могут быть, тем не менее, восстановлены по фонду Департамента полиции в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 102). Например, только там сохранился формулярный список пермского полицмейстера Н.Н. Церешкевича [11].

В настоящее время в просопографическую базу данных занесено 93 личных дела полицейских, служивших в начале XX в.: из них 25 (26,9 %) руководителей полиции и их помощников (14 уездных исправников, 1 горный исправник, 3 полицмейстера, 5 помощников исправника, 2 помощника полицмейстера), 34 (36,6 %) пристава и их помощника, 21 (22,6 %) полицейский и околоточный надзиратель, 13 (13,9 %) служащих канцелярии (секретари, столоничальники, регистраторы, письмоводители). Разумеется, подобные пропорции не отражают действительной структуры полиции, т. к. руководителей было значительно меньше четверти в отношении к остальному классному составу. Кроме того, база не учитывает нижний состав (городовых, стражников, урядников), т. к. чиновниками они не были.

Из всех полицейских, попавших в базу, точная дата оставления службы в Пермской губернии известна лишь у 67, 47 из них оставило ее во время Первой мировой войны. Подавляющее большинство – с 27 марта 1917 г., в связи с выходом Приказа Пермского губернского комиссара от 29 марта 1917 г., основанном на распоряжении Временного правительства о замене полиции милицией [2]. Среди полицейских, оставивших службу в Первую мировую войну, нет столь сильной диспропорции в сторону руководителей, вместе с помощниками они составляют всего 7 человек (14,9 %).

Одним из обязательных пунктов любого формулярного списка было сословное происхождение, тем не менее, у 7 (14,9 %) полицейских оно не указано. Самым многочисленным сословием, из которого происходили полицейские являлись мещане (15 человек, 37,5 %). Почти столько же было крестьян (14, 35 %). Однако, если мы обратимся к структуре населения губернии, то убедимся, что она кардинальным образом отличалась. Крестьяне составляли 95,2 % населения Пермской губернии, а мещане – всего 3,2 %. Даже в городах, где доля мещан была в 10 раз больше (35,7 %), крестьяне оставались самым многочисленным сословием (51,4 %) [4, с. 2]. Вывод очевиден – именно потомственное городское население составляло основную социальную базу полицейских чиновников. Нужно учитывать и относительно привилегированный статус мещанства. Дворянами по своему сословному происхождению было лишь 6 из 40 полицейских (14 %), включая 2 сыновей личных дворян. Мастеровые составляли 7,5 % (3), был также 1 сын купца и 1 – чиновника.

Впрочем, значительно выше была доля дворянства среди руководства полиции. Из 25 всех внесенных в базу данных руководителей полиции и их помощников сословие известно у 19 (76 %). Дворяне и обер-офицерские дети составляли вместе 10 человек (52,6 %), 4 полицейских (21,1 %) происходило из мещан, 3 (15,8 %) – из крестьян, 1 – из духовенства, 1 – из мастеровых.

Можно также отметить некоторую демократизацию полиции Пермской губернии, которая имела место в начале XX в. Так, без учета руководителей, доля происходящих из потомственных и личных дворян в полиции составляла 21,1 % (11 из 57), тогда как во время Первой мировой войны этот показатель среди «исполнительных чинов» и «канцелярских служителей» упал до 11,4 % (4 из 35). Причиной этого был закон 1906 г., уравнивший все сословия в правах на занятие государственных должностей [3, с. 891].

Рассуждая о социальном аспекте полиции Московский губернии С.А. Семин ограничивается исключительно сословным происхождением [8]. Однако, начиная с 1861 г. в стране активизировались

модернизационные процессы и все сословия, включая дворянство, к началу XX в. сильно маргинализировались. Так пролетарий, в том числе потомственный, продолжал числиться крестьянином, а мещанин, напротив, купив недвижимость в городе, мог продолжать заниматься земледелием. Привилегии дворянства к началу Первой мировой войны были существенно урезаны. В этой ситуации одного сословия явно недостаточно, чтобы в полной мере раскрыть социальный облик полицейского.

В качестве другого показателя для понимания социальной страты, которую занимали чиновники, может быть использовано образование. А.В. Петров в своей диссертации, посвященной полиции Урала и Западной Сибири, отмечает, что уровень образования полицейских был низок независимо от губернии. Окончивших средние учебные заведения было в России менее 1/3 от всех полицейских чиновников, и даже среди начальников и их помощников – менее половины. Большинство окончило низшие учебные заведения или вовсе имело «домашнее воспитание» [5, с. 115]. Другой крупный исследователь уральской полиции Е.П. Сичинский в своей монографии, напротив, дает высокую оценку образовательного уровня руководящего состава полиции. По его данным, из 23 исправников, служивших с 1880-х гг. по 1917 г. в Уфимской и Оренбургской губернии, 6 окончили кадетские корпуса или юнкерские училища, 1 был выпускником престижного Демидовского лицея, 3 обучались в семинарии, остальные – в гимназиях, городских и уездных училищах [9, с. 187].

Учитывая, что уездные, городские и юнкерские училища давали не полное среднее образование, а начальное, то между точками зрения ученых нет фактических противоречий. Это лишь вопрос интерпретации: считать ли шесть классов городского или уездного училища хорошим образованием для полицейского чиновника. Законодательство о гражданской службе Российской империи, которое распространялось, в том числе, на сотрудников общей и горной полиции, отвечало на этот вопрос однозначно положительно. Для получения первого классного чина, дающего право на занятие руководящих должностей необходимо было либо иметь аттестат об окончании полного курса данного заведения, либо сдавать экзамен на знание программы этих учреждений. Таким образом, даже те, кто получал домашнее или низшее начальное образование, в любом случае, должны были овладеть уровнем знаний городского училища, пусть и путем самоподготовки и уже находясь на службе.

Данные об образовании сохранились лучше, чем о сословии. Они прописаны у 46 из 47 полицейских, оставивших службу в годы

Первой мировой войны. Самое лучшее образование – это неоконченное среднее, его имели шестеро полицейских (13 %). 4 пытались окончить реальные училища. Пермский уездный исправник, потомственный дворянин, Г.В. Кадомцев – Пермскую мужскую гимназию. Вообще, половина (3) дворян пыталась получить среднее образование, что говорит об относительно высокой степени корреляции между сословием и образованием. Наконец, единственный сын купца на полицейской службе, В.В. Малышкин, сравнительно неплохо учился в Санкт-Петербургском коммерческом училище. Однако, по неизвестным причинам, оставил его между 5 и 6 классами. Городские, уездные и юнкерские училища, которые, как и 4 класса среднего учебного заведения, давали право для поступления на государственную службу, окончило 13 (28,3 %) полицейских. Еще один, пристав С.И. Алексеев, учился в Чердынском четырехклассном городском училище, но не сумел его закончить. Большинство полицейских чиновников (15, 32,6 %) имело за плечами только начальное образование. А, происходящий из крестьян П.И. Плешков даже из подобного заведения по каким-то причинам вышел, не окончив курса. Наконец, 10 полицейских (21,7 %) и вовсе нигде не учились, ограничившись «домашним воспитанием».

Среди 7 руководителей образовательная структура несколько отличалась: 2 (28,6 %) имели неоконченное среднее, 2 (28,6 %) – высшее начальное, 2 (28,6 %) – начальное и только 1 – домашнее. При рассмотрении всех руководителей начала XX века, можно отметить, что ситуация с образованием была значительно лучше. Так из 22 руководителей 1 (4,5 %) имел высшее образование, 2 (9,2 %) – полное среднее, 3 (13,6 %) – неоконченное среднее, 10 (45,5 %) – высшее начальное, 3 (13,6 %) – начальное, 3 (13,6 %) – домашнее. Тем не менее, снижение образовательного уровня чиновников не стоит считать исключительно последствием демократизации государственной службы. Это, во многом связано, с падением реального дохода полицейских, особенно в условиях инфляции в годы Первой мировой войны, а также престижа полицейских должностей. При этом образовательный уровень среди «неруководителей», согласно базе, существенно не изменился. Число, окончивших учебные заведения, дающие право на первый классный чин без экзамена, осталось на уровне чуть более 40 %.

По архивным данным мы также имеем сведения о вероисповедании всех 47 полицейских: 44 (93,6 %) православных, 2 лютеранина, 1 католик. Обращает на себя внимание, что, не смотря на значительное число мусульманского населения в губернии, ни одного представителя этой конфессии на классных должностях ни во время Первой мировой войны, ни до нее – не обнаружено.

Семейное положение известно у 45 полицейских. Подавляющее большинство (40, 88,9 %) было женато, причем один – вторично. В среднем на каждого женатого полицейского приходилось 1,3 ребенка. 19 женатых полицейских были бездетны. Однако нужно иметь в виду, что в дела о службе, в отличие от пенсионных, сведения о детях вносились достаточно халатно. Вполне вероятно, в действительности, детей у полицейских был больше. Наибольшее число детей – 6 имел пристав 3 стана Екатеринбургского уезда И.С. Шульгин.

Большинство полицейских начало свою карьеру в Пермской губернии. Только 9 (19,1 %) – за ее пределами: в Вятской, Минской, Псковской, Санкт-Петербургской, Самарской, Семипалатинской и Сувалкской губерниях. При этом корреляция этого показателя с категорией руководящего состава полиции достаточно высока. Большинство из них (5, 71,4 %) начали государственную службу за пределами Урала. Перевес в сторону приезжих сохраняется и при анализе сведений о всех 25 руководителях полиции Пермской губернии начала XX в. 15 из 25 (60 %) начали службу до прибытия в Пермь. Подобная ситуация, вообще, была характерна для Урала. Так Е.П. Сичинский отмечает, что среди 26 южно-уральских руководителей полиции конца XIX – начала XX в. 75 % составили выходцы из других губерний [9, с. 188].

Показателем эффективности работы полицейского помимо карьерных успехов могут служить благодарности губернатора, а также благодарности и премии министра внутренних дел. К сожалению, судя по прошению верхотурскому уездному комиссару от бывшего пристава Богославского горного округа Г.А. Донова эти сведения заносились в формулярные списки недостаточно аккуратно [6]. Тем не менее, на имеющемся материале можно попытаться проследить корреляцию между числом благодарностей, уровнем образования и социальным происхождением полицейских чиновников 1914–1917 гг. Без учета служащих канцелярии, благодарности и премии которым были большой редкостью, поощрения имело 24 полицейских из 38 (63,2 %). Больше всех благодарностей (8) имел бывший петербургский сыщик, дослужившийся до исправника С.К. Кириллов. Образование он имел домашнее, а происходил из крестьян. Впрочем, к полиции Первой мировой войны он относится лишь номинально. Уже в марте 1914 г. Он был отстранен от должности в связи с выдвижением против него обвинения в краже, в сентябре выведен за штат, а в октябре – отправлен в отставку [10, Л. 108 об. – 109]. В начале 1915 г. виновность полицейского была доказана судом, и он был приговорен к 1,5 годам арестантских рот [7]. Всего чиновников, имевших более 1 благодарности, насчитывается

19 (50 %). Среди них 3 дворянина (17,6 %). 3 человека имели неоконченное среднее образование (15,8 %), 5 (26,3 %) – высшее начальное. Среди тех, кто имел одну и менее благодарностей столько же дворян (3; 20 %) и лиц с неоконченным средним образованием (3; 15,8 %), лиц с высшим начальным даже чуть больше (6, 31,6 %). Таким образом, поощрения, в отличие от карьерных успехов, никоим образом не зависели от образования и сословного происхождения и, по всей видимости, присуждались на основе действительных заслуг. Сведения о взысканиях попадали в формулярные списки еще реже чем благодарности. Из 47 дел полицейских они обнаружены лишь в 4 (8,5 %).

Таким образом, по своему социальному происхождению служители правопорядка отнюдь не принадлежали к «господствующему классу», происходили из средних, «демократических» слоев городского населения.

Список литературы:

1. Адрес-Календарь и Справочная Книжка Пермской губернии на 1917 год. / Н.А. Иванов – Пермь: Изд. Перм. губ. стат. ком., 1917. – 770 с.
2. Выписка из приказа Пермского губернского комиссара от 29 Марта 1917 года за № 46 // ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 980. Л. 1–2.
3. Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий. Именной высочайший указ, данный сенату 5 окт. 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3. – Т. 26. – Ч. 1. – СПб., 1909. – С. 891–893.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. /под. ред. Н.А. Тройницкого. – Вып. 31. Пермская губерния. – СПб.: Изд. Центр. Стат. ком. Мин. Внутр. Дел, 1904. – 301 с.
5. Петров А.В. Полиция и милиция Урала и Западной Сибири в начале XX в. (историко-правовое исследование). Дисс. доктора юр. наук. – М., 2007. – 428 с.
6. Прошение Г.А. Донова верхотурскому уездному комиссару // ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 724. Л. 7–7 об., 16–16 об.
7. Прошение жены чиновника Клавдии Васильевой Кирилловой в Пермское губернское правление о копии формулярного списка мужа. 27 янв. 1915 г.// ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 772. Л. 103.
8. Семин Г.А. Чиновники московской уездной полиции в начале XX века. Социальный аспект // Преподавание истории в школе. – 2014. – С. 23–27.
9. Сичинский Е.П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия.– М.: Майор, 2005. – 256 с.
10. Формулярный список о службе Б. Шадринского уездного исправника, коллежского секретаря, Сергея Кирилловича Кириллова. [Не ранее 10 октября 1914 г.] // ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 772. Л. 104–109 об.

11. Формулярный список о службе Пермского Полицмейстера Коллежского Секретаря Николая Николаевича Церешкевич. [Январь–февраль 1917 г.] // ГАРФ. Ф. 102. ДП 3. 1910 г. Д. 273. Л. 40–49.

ПОЛИТОЛОГИЯ

СЕКЦИЯ

«МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА»

ТОЛКОТТ ПАРСОН О МЕТАМОРФОЗАХ ВЛАСТИ

Ефимова Наталья Михайловна

*канд. филос. наук, доц. кафедры всеобщей истории
и политических наук*

*Вятского государственного университета,
РФ, г. Киров*

E-mail: nm-efimova@rambler.ru

TALCOTT PARSONS ABOUT THE METAMORPHOSIS OF POWER

Natalia Efimova

*candidate of philosophical Sciences,
associate Professor of the Department of General history and political
science Vyatka state University,
Russia, Kirov*

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются рассуждения Т. Парсонса, обосновывающие при помощи аналогии с банковской системой принципиальную возможность зазора между теми общими интересами, ради реализации которых была избрана правящая группа, и тем, что она может реально совершать, исходя из своих частных интересов.

ABSTRACT

Discusses the arguments of T. Parsons, who, using an analogy with the banking system, justifies the possibility of a fundamental gap between

those general interests, for implementation of which the ruling party was elected, and what she can really do, based on their private interests.

Ключевые слова: власть, легитимность, общий интерес, частный интерес, эмпирические индивиды, принуждение.

Keywords: authority, legitimacy, common interest, private interest, empirical individuals, coercion.

В работе «О понятии «политическая власть» Парсонс определяет *власть как способность добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств, легитимизированных значимостью последних для целей коллектива.*

При этом допускается возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции [2, с. 242].

Парсонс подчеркивает важность использования понятий «легитимация» и «общий интерес». Дело в том, что удовлетворение просто желаний посредством угрозы другому агенту при опоре на превосходящую силу, по Парсонсу, еще не составляет акта властвования. Он подчеркивает, что речь идет о способности удовлетворения потребностей общего интереса. Субъект власти должен быть представителем общего интереса, или символизировать общий интерес.

Здесь напрашивается параллель с идеями Джамбатиста Вико. Он, с одной стороны, признает, что мир истории рожден разумом, *превосходящим по целям человеческий разум*, но с другой стороны, этот же самый мир истории создается *разумными людьми и на основе их выбора*, причем не случайно, а с постоянством.

Чтобы решить это противоречие, Вико вводит институты, которые созданы людьми, но определяют поведение людей. В животном состоянии человек преследует лишь свои эгоистические интересы. Но уже вождь племени заботится об интересах клана в целом. Таким образом, появляются особые индивиды, и соответственно институты, состоящие из индивидов, поднимающихся над собственной эмпиричностью (эгоизм и пр.) [1, с. 573–575].

Однако ясно, что эти особые индивиды, оставаясь просто людьми, сохраняют свою эмпиричность и свой эгоизм, и в связи с этим, могут исходить также из своих частных, в этом смысле случайных интересов.

Интересно, что Парсонс стремится решить ту же проблему, но для пояснения своих мыслей прибегает к аналогии с деньгами. Деньги выполняют функции обмена или накопления богатства, при этом имеются

в виду не эмпирические свойства самих денег в виде определенных клочков аккуратно резаной бумаги, то есть не их химические, физические и др. свойства. В принципе деньги могут быть надорваны, запачканы, с другими физическими и химическими свойствами (например, в виде пластиковых карточек или металлических кружочков) и т. п. Но это не отменяет их свойств как посредника в товарно-денежных отношениях между людьми. В этом смысле деньги являются таким же символом, как и должностное лицо, выполняющее инструкции, не им придуманные, и посредством этих инструкций обслуживающее определенные общественные отношения. При этом важным, и Парсонс это подчеркивает, является то, что речь идет о таких действиях должностных лиц, которые значимы для эффективности сообщества, но не оставляют лицу, их выполняющему, «никакой ощутимой ценности», в том числе выгоды, так же как деньги не обладают, кроме меновой, еще и конкретной потребительской стоимостью [2, с. 243].

Далее Парсонс говорит о легитимации власти. Ее он объявляет фактором, аналогичным доверию при взаимном согласии на принятие денежной единицы и ее стабильности в финансовых системах.

Здесь мы выходим на существенную сторону дела. Парсонс пишет, что если оба критерия – обобщенная способность добиваться выполнения обязательств, легитимных с точки зрения общих интересов коллектива, и сама легитимация – подвергаются сомнению, то «это ведет к использованию все более сильных средств, способствующих достижению повиновения» [2, с. 243].

Итак, если легитимность власти подвергается сомнению, то это вынуждает власть привлекать все более сильные средства принуждения. По законам логики – это рассуждение можно дополнить: допустим, что власть действительно начала привлекать все более сильные средства для достижения повиновения, следовательно, эта власть, *возможно*, не совсем легитимна. Умозаключение данного типа носит вероятностный характер, поэтому и используется выражение «возможно».

Теперь рассмотрим место в работе Парсонса, которое следует сразу за только что разобранным: «В той мере, в какой эти средства (принуждения. – Н.Е.) являются внутренне эффективными, легитимность постепенно становится все менее важным фактором их эффективности; в конце этого развития находится применение – вначале различных видов принуждения, затем силы как самого по сути своей эффективного из всех средств принуждения» [2; 243].

Смысл этого высказывания состоит в том, что эффективное принуждение делает все менее необходимой легитимность в качестве условия этой эффективности. А власть, опирающаяся непосредственно на силу, еще в меньшей степени нуждается в легитимности.

Но каким образом власть, пусть избранная вначале вполне легитимно, и, следовательно, которой вполне доверяют, на каком-то этапе способна *двигаться* к границе своей легитимности, опираясь при этом на возможность все более эффективного применения принуждения? Для решения этого вопроса Парсонс снова прибегает к аналогии с деньгами.

Он рассматривает ситуацию с учреждением кредита коммерческими банками. Вкладчики вкладывают свои деньги в банк, но банк в свою очередь может давать деньги в займы. При этом вкладчики не теряют права собственности на свои деньги. Вклады возвращаются в *полном размере по заявлению вкладчика*, и какие-либо ограничения определяются исключительно режимом работы банка. Банк же использует часть вкладов для предоставления кредита под проценты, сохраняя возможность возврата займа в соответствии с заключенным договором. В результате одни и те же деньги рассматриваются как собственность, с одной стороны, вкладчиками, а с другой стороны, банкиром, получившим возможность одалживать эти деньги, как «свои собственные». Таким образом, происходит возрастание суммы денег в обороте, измеряемое количеством текущих займов по отношению к объему бессрочных вкладов.

По аналогии с работой коммерческих банков в политической системе возникает способ, позволяющий внести весомые добавки к тому количеству власти, которым уже обладают агенты власти. Это особенно наглядно выглядит в случае с демократическими избирательными системами. Здесь политическая поддержка должна рассматриваться как *обобщенная* уступка власти, ставящая в случае победы на выборах избранных лидеров в положение, аналогичное положению банкира. Победившие лидеры получают определенную свободу действия для принятия *обязательных* для исполнения решений, затрагивая в этом случае и другие группы общества, а не только те, от которых эти лидеры получили мандат на власть. Эта свобода состоит в возможности использования влияния, например, благодаря престижу должности, не совпадающему формально с объемом причитающейся ей власти, – ради укрепления общего предложения власти.

В случае банковской системы речь шла о возможности исполнения кредитных соглашений, которая и позволяла «почувствовать разницу». В случае политической власти речь идет о возможности выборочного

осуществления влияния посредством *убеждения*, которое способно породить и структурировать новый спрос на решения, который в свою очередь будет оправдывать растущее производство власти.

Это выборочное осуществление влияния оказывается возможным из-за обобщенного характера мандата политической поддержки. Поскольку мандат выдан не под конкретные решения (строго «от сих до сих»), но вследствие получения большинства голосов на выборах, он является средством осуществления (в рамках конституции) того, что правящей группе *может представиться* наиболее соответствующим «всеобщему интересу». В таком случае совокупность обязательств, принимаемых сообществом, увеличится. Однако очевидно, что это возрастание должно все же восприниматься как соответствующее действующим нормам и применимое к ситуациям, требующим действия на уровне коллективных обязательств. Поэтому, пишет Парсонс, возникает насущная потребность оправдать подобное расширение и трансформировать «чувство» того, что необходимо что-то предпринять, – в обязательство предпринять эффективные действия, *включающие при необходимости принудительные санкции* [2, с. 247].

Выполнение новых, не предусмотренных ранее программ, увеличивающих нагрузку на сообщество, влечет за собой, пишет Парсонс, развитие дополнительных политических организмов, ангажированности персонала, выработку новых норм и даже модификации основ легитимации. В результате такой метаморфозы избранные лидеры могут не считаться по закону (в виду модификации самого закона) ответственными за немедленное выполнение того, что было обещано избирателю. И в то же время нужно, чтобы источники политической поддержки продолжали оказывать им доверие, например, в момент следующих выборов. Впрочем, избиратели по инерции могут все так же продолжать исходить из собственных интересов, не совсем уже совпадающими с новыми целями, провозглашенными избранными лидерами.

Итак, эффективность коллективного действия может быть увеличена в таких сферах деятельности и ценностей, которые ранее не были предусмотрены, – в результате того, что лидер может пойти на риск новых программ, подобно тому, как банкир, заполучивший деньги вкладчиков, может решиться на инвестиции, которые вкладчиками не предусматривались.

Таким образом, решение вопроса, каким способом власть, избранная вполне легитимно, на каком-то этапе может двигаться к пределам своей легитимности, применяя при необходимости все более эффективное принуждение, состоит в следующем. Возникает то,

что можно назвать *зазором* между тем, на что лидеры были уполномочены (пусть в самой обобщенной форме), и тем, на что они могут решиться вполне самостоятельно. Этот зазор может расширяться посредством использования мер *убеждения*, которое порождает спрос на решения, «ранее не предусмотренные», а также все более эффективных средств принуждения. Но важным обстоятельством является, напомним, то, что использование все более эффективных средств принуждения ставит под вопрос легитимность (подвергается сомнению, – пишет Парсонс) тех, кто эти средства применяет.

Можно, предположить, что эффективность пропагандистской машины убеждения, работающей на создание «чувства» легитимности того, что дополнительно совершается властью, и необходимость все более эффективных средств непосредственного принуждения находятся в обратной зависимости. Чем эффективнее первое, тем менее необходимо второе. Но если мы примем во внимание, что машина убеждения есть по своей природе тоже средство принуждения, только в области сознания и ценностных предпочтений (что-то вроде пресловутого 25-го кадра), то можно сделать обобщающий вывод. Необходимость применения все более эффективных средств принуждения (в том числе и в виде машины убеждения) является, по крайней мере, основанием для предположения о сомнительности легитимности власти. Но само по себе такое предположение, конечно, не тождественно *доказательству* отсутствия легитимности.

Однако для нас сейчас важно обращение Парсонса к аналогии с коммерческим банком для обоснования принципиальной возможности зазора между тем, на что была уполномочена власть, и теми действиями, на которые она решилась вполне самостоятельно. И можно предположить, что в качестве одного из вариантов такой возможности явится использование правящей группой своей власти для реализации собственных частных интересов.

Список литературы:

1. Антисери Д. и Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта. С-Петербург, «Пневма», 2002. – 880 с, с ил. С. 573–575.
2. Парсонс Т.О. понятии «политическая власть» // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – 843 с.

СОЦИОЛОГИЯ

СЕКЦИЯ

«СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ»

МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ СОЦИАЛЬНЫМ КОНФЛИКТОМ

Соломатина Елена Николаевна

*канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии
социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
РФ, г. Москва*

E-mail: solomatina.08@mail.ru

MANAGEMENT METHODS OF MODERN SOCIAL CONFLICT

Elena Solomatina

*candidate of sociological Sciences, Associate professor of the Department
of modern sociology of the sociological faculty
of The Lomonosov Moscow State University,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В работе автором показывается, что урегулирование социального конфликта целесообразно начинать с формирования практики посредничества. Целью работы была характеристика механизмов становления и формирования института посредников и определение способов применения практик диалога. Новизной исследования является формирование понимания социального конструкта при медиативной практике в социальной сфере.

ABSTRACT

In this paper the authors show that the resolution of social conflict, it is advisable to start with the development of mediation practice. The aim of the work was the characterization of the mechanisms of formation and the formation of intermediary institution and identify ways to use dialogue practices. The novelty of this study is to understand the formation of the social construct at a mediation practice in the social sphere.

Ключевые слова: социальный конфликт, методы управления, посредничество.

Keywords: social conflict, management methods, mediation.

Современный социальный конфликт в социологии характеризуется как неизбежный вид социального взаимодействия в социальной системе, влекущий за собой положительные преобразования общественной жизни и достижение социальной справедливости в случае конструктивного поведения участников конфликтного противостояния [1, p. 79].

Существуют четыре основных фактора, определяющие выбор участниками стратегий в конфликтных взаимоотношениях: цели сторон, характеристики каждой из сторон, отношения между сторонами и социальный контекст конфликта. Цель оказывает значительное влияние на средства, используемые для их достижения, а внутренние характеристики участников определяют выбор механизмов воздействия. Например, люди с низким социально-экономическим статусом имеют меньше шансов использовать правомерные стратегии по разрешению конфликтов. К внутренним характеристикам, в том числе, относятся структура участника и ресурсы. Механизмы воздействия могут зависеть от разнообразных культурных различий и преобладающих идеологий в социальной структуре сторон. Характер взаимоотношений сторон, восприятие и ожидания в отношении другой стороны играют значительную роль при выборе стратегий конфликтного поведения. Стороны с высокой степенью интеграции чаще не используют насилие и принуждение в конфликтном взаимодействии. Наконец, факторы социального контекста формируют стратегический выбор сторон. Такие факторы включают наличие легитимных социальных институтов урегулирования конфликтов, а также наличие общих норм в отношении надлежащего поведения для каждой социальной группы и соответствующего образа проведения конфликта. Наличие реальных или потенциальных союзников, степень интеграции социальной системы могут выступать определяющими

факторами в выборе стратегий дальнейшего конфликтного взаимодействия [2, р. 476–479].

Современными исследователями выделяются следующие группы конструктивных методов управления конфликтом: методы, используемые сторонами во время стадии эскалации конфликта; методы, применяемые во время переговоров и методы миротворческих усилий.

Социальные конфликты могут протекать в регулируемых, институционализированных формах, а также могут быть относительно неконтролируемы. Например, террористические акты – это высоко насильственный, нерегулируемый механизм воздействия на конфликт. Ненасильственное воздействие является стратегией, которая опирается на убеждения с некоторым принуждением, и, как правило, осуществляется в хорошо регламентированной, правовой форме. Три основных типа непринудительных стратегий, применяемые при ведении конструктивных противостояний: принуждение, убеждение, и вознаграждение. Убеждение обычно используется, когда цель состоит в том, чтобы изменить установки противостоящей стороны, а также улучшить отношения между ними. Вознаграждения, как правило, применяются с целью призвать оппонента к иному поведению, в то время как принуждение способствует прекращению нежелательных действий или неприемлемого поведения со стороны противника.

Подведение конфликта к стадии переговоров является центральным процессом в сфере управления конфликтом. Принципы ведения переговоров включают в себя разделение сторон по их заявленным позициям, выявление и рассмотрение интересов сторон конфликтного взаимодействия, лежащих в основе данных позиций, а также формирование новых вариантов исхода конфликта, часто влекущее за собой нахождение компромиссов между участниками.

Процедура переговоров обладает сложными структурными характеристиками, которые оказывают влияние на процесс проведения и результат. Переговоры часто проводятся в контексте продолжающегося конфликтного поведения членами противостоящих сторон. В некоторых случаях такое поведение ограничивает достижение или реализацию заключенного соглашения. В других случаях, некоторые виды конфликтных действий в процессе переговоров реализуют достижение соглашения или продвигают некоторые из его элементов [3, р. 125].

Любая из сторон крупномасштабного социального конфликта, участвующая в переговорах, обладает гетерогенной структурой,

которая включает множество составных элементов: первый круг отображает доминирующий сегмент одной стороны в конфликте, состоящий из малого круга лидеров, главных участников, вовлеченных в борьбу, общественных и частных сторонников. Также существуют группы внутри каждой стороны, несогласные с целями и методами доминирующей группы или поддерживающиеся другой политики и направления ведения конфликта. Некоторые оппозиционеры могут предпочитать использование более жестких мер с применением бескомпромиссных методов и механизмов борьбы, в то время как другие оппозиционеры предпочитают способы со скромными и сдержанными целями и менее агрессивными стратегиями их преследования. Социальный конфликт включает в себе все группы, заинтересованные в противостоянии, а также многочисленных индивидов, не имеющих большой интерес к конфликтным процессам или вовсе не вовлеченных в них. Определенные фракции или элементы одной или нескольких сторон могут преследовать более жесткие или наоборот, уступчивые цели и результаты в отличие от главных участников переговорного процесса. В некоторых случаях официальная линия подвергается нападению обоих подходов одновременно.

Принудительные меры в переговорном процессе являются частыми явлениями и используются с целью усиления своих позиций на переговорах, навязывания своих способов урегулирования конфликтных взаимоотношений, демонстрации решимости и жесткости в собственных интересах и их продвижении, ограничения политики собственной или противоположной стороны, а также с целью увеличения или уменьшения асимметрии конфликта. Вне зависимости от намерений сторон их усилия могут быть контрпродуктивными и иметь разрушительные последствия.

Подходящая стратегия должна быть применена в соответствии с динамическими характеристиками структурных условий. Стратегии представляют собой посредничество, обозначение границ во время переговоров, взаимное признание интересов, реализацию договоренностей, многоуровневое внедрение, а также управление тормозящими атаками. Обозначение конкретных неразрешимых вопросов может препятствовать конфликтующим сторонам в достижении каких-либо соглашений, которые потенциально могут быть реализованы. Обозначение и выделение взаимовыгодных выгод может быть намного полезнее и эффективнее при попытке добиться конструктивных трансформаций, чем в том случае, когда все внимание приковано только к собственным выгодам сторон в конкретном вопросе. Поведение, демонстрирующее осведомленность об интересах другой стороны,

играет важную роль в попытках конструктивного преобразования противоборствующих отношений. Взаимное искреннее следование исполнению всех договоренностей увеличивает вероятность заключения дальнейших соглашений. Таким образом, игнорирование определенных обязанностей скорее будет рассмотрено сторонами как отклонение или отказ от соглашения, а не как попытка позиционного торга. Поддержка внутренних групп сторон очень важна при углублении и увеличении масштаба преобразований. Многоуровневое участие сторон дает возможность взаимодействия на различных локальных, федеральных и региональных уровнях с целью эффективных позитивных преобразований, а также ограничивает попытки оппозиционных групп каждого участника препятствовать трансформации конфликтных взаимоотношений.

Участие посредника играет значительную роль в трансформации деструктивных взаимоотношений. Посредничество может проводиться влиятельными официальными или неофициальными посредниками. Посредничество, как одна из форм разрешения конфликта, представляет собой различную деятельность: предоставление безопасного нейтрального места для встреч и переговоров, осуществление коммуникации между конфликтующими сторонами, предложение новых вариантов развития событий, вовлечение дополнительных ресурсов и обеспечение исполнений всех элементов соглашения.

Рекомендации, в рамках главных идей конструктивного подхода, отражают убежденность в том, что результаты будут взаимовыгодны в случае, если будут учитываться интересы, а также опасения всех сторон:

1. Непосредственные официальные участники переговоров должны привлечь широкий круг заинтересованных сторон, включая даже тех, кто может препятствовать эффективному процессу переговоров. Данный практический подход нацелен на вовлечение всех уровней структурной организации стороны для реализации успешных результатов переговорного процесса. Привлечение потенциальной внутренней оппозиции способствует ограничению конфликтных действий, направленных на сопротивление главным стратегическим направлениям в переговорах.

2. Асимметрия социального конфликта, особенно, включающая значительную степень применения насильственных мер борьбы, препятствует переговорам. Опущение асимметричных аспектов конфликтных взаимоотношений участниками переговорного процесса способствует достижению взаимоприемлемых договоренностей.

3. Признание каждым из участников конфликтного взаимодействия правомерности оснований и интересов, лежащих в основе конфликтного противоборства, создаёт необходимые условия для урегулирования возникшего между ними существенного противоречия. Понимание того как другая сторона рассматривает свое собственное поведение может дать ключ к взаимоприемлемым соглашениям. Доказательства того, что лидеры хотя бы ищут такое понимание, само по себе может способствовать укреплению доверия и уважения.

4. Посредничество как одна из форм содействия переговорному процессу способствует ограничению конфликтного напряжения и взаимного давления. Широкий спектр прямых и косвенных возможностей посредничества может способствовать созданию новых аспектов в отношениях сторон для достижения взаимоприемлемых соглашений.

5. Взаимное содействие главными участниками переговоров в укреплении поддержки потенциального соглашения среди составных социальных групп способствует его беспрепятственной реализации.

6. Принуждение, необходимое в переговорном процессе, должно носить точечный и ограниченный характер. Ненасильственные формы принуждения могут оказаться более легко осуществляемыми в контексте желаемого согласованного урегулирования [3, p. 137].

Внешнее вмешательство играет значительную роль в условиях трансформации современных социальных конфликтов. Увеличение числа и разнообразия внешних вмешательств, в том числе охват широкого масштаба действий, связано с ростом глобальной экономической интеграции, взаимозависимости, усилением потоков миграции, а также с распространением общественных норм и ценностей.

Миротворчество, как одна из форм внешнего вмешательства третьей стороны с целью прекращения, урегулирования и трансформации деструктивных конфликтных противостояний, обладает системой разнообразных приёмов, методов и средств, главными из которых являются переговоры, посредничество, арбитраж и примирение [4, p. 704].

Виды миротворческих вмешательств сильно различаются по форме, масштабу и продолжительности. Они включают в себя оказание гуманитарной помощи беженцам, достижение безопасности; различные формы посредничества, обучения и консультаций в целях повышения эффективности функционирования политических институтов; мониторинг условий достигнутых соглашений; а также

содействие экономическому развитию пострадавших сторон. Невмешательство также является стратегическим поведением.

Цели миротворческих вмешательств различаются по нескольким направлениям: по продолжительности, по виду затрагиваемых интересов, по величине изменений.

Можно выделить два основных направления миротворческих вмешательств с целью прекращения конфликтной напряженности и преобразования структурных взаимоотношений сторон. Первый направлен на уменьшение причин неравенства, угроз и недовольства путем улучшения условий или, как минимум, повышения будущих перспектив. Другой заключается в повышении возможностей членов общества, а также их государственных и общественных институтов управления в трансформации конфликта легитимным и справедливым способом. Задача заключается в создании устойчивых структур, отзывчивых на потребности общества.

Также, существенное значение имеют три характеристики, которые могут привести свой вклад в качестве контрпродуктивных действий внешних вмешательств [4, р. 710]. Во-первых, корыстные интересы и цели третьих сторон могут привести к ухудшению эффективных миротворческих обязательств. Во-вторых, способ мышления, в основе которого лежат определенные культурные и идеологические предпосылки, формирует представления о реальности, ценностях и предпочтениях, которые могут ввести в заблуждение при попытке конструктивного вмешательства. В-третьих, конкретные структурные условия, связанные с конфликтом и его контекстом, мешают третьим сторонам быть полезными в миротворчестве.

В результате, наиболее эффективным является многофункциональный анализ конкретного конфликта, который должен быть сделан потенциальными третьими сторонами до выбора стратегии вмешательства, с целью устранения деструктивных последствий при учете изменчивых и статичных условиях протекания конфликта.

Комплексный анализ включает в себя несколько компонентов. Во-первых, основные стороны в конфликте должны быть идентифицированы с учетом их внутренней гетерогенности и различной степени участия, уделяя особенное внимание «спойлерам мира» – группам, совершающим действия, которые могут нарушить официальные мирные переговоры [5, р. 55]. Во-вторых, должны быть идентифицированы общие интересы, ценности и идентичность наравне с теми, что послужили основой конфликта. В-третьих, должны быть изучены структурные отношения и асимметрия между сторонами в конфликте. Они связаны с демографическими, экономическими

ресурсами, политической властью, ресурсами принуждения, нормативными требованиями и другими факторами. В-четвертых, должен быть проведен анализ исторического контекста отношений субъектов, а также же их субъективно-эмоциональные составляющие, такие как эмпатии, чувства страха и недоверия. И, наконец, анализ главных акторов должен быть расширен включением изучения всех возможных внешних третьих сторон и их действий. Потенциальные третьи стороны должны проводить самостоятельный рефлексивный анализ с целью минимизировать неподходящую и контрпродуктивную политику, а также добиться оптимального выбора и осуществления конструктивной преобразующей политики.

С точки зрения конструктивного конфликта, миротворчество эффективно в связи с повышенным вниманием к потребностям всех основных заинтересованных сторон, а также в связи с использованием ненасильственных и непринудительных стимулов.

Успешное миротворчество во многом зависит от поведения самих противников и других социальных групп в локальном смысле. Кроме того, международные интервенты часто являются неэффективными и порождают издержки миротворчества; иногда их усилия даже контрпродуктивны по отношению к тем, кому они помогают. Конструктивное вмешательство требует комплексный анализ проблем, которые требуют решения, включая понимание их источников и последствий, а также оценки стратегий, которые помогут преодолеть и решить эти проблемы.

Принуждение и даже насилие часто сопровождают конфликт даже во время организации серий переговоров [3, р. 138]. Все заинтересованные стороны часто могут найти способы, применимые в условиях спорного поведения, но не препятствующие возможности проведения переговоров с достижением справедливого и прочного соглашения. Некоторые виды принуждения будут способствовать более конструктивным и устойчивым соглашениям, если они будут осуществляться продуманно, с учетом общих соображений.

Таким образом, современная парадигма управления конфликтом предполагает применение таких конкретных стратегий поведения сторон, посредников и внешних участников, которые будут адаптивны к постоянно изменчивому контексту социального конфликта, а также направлены на его конструктивное урегулирование. Практически это выражается в применении переговоров как ключевого способа разрешения социальных конфликтов, а также признании позитивной функции миротворческих действий.

Список литературы:

1. Kriesberg L. Moral Judgments, Human Needs and Conflict Resolution: Alternative Approaches to Ethical Standards // Conflict Resolution and Human Needs: Linking Theory and Practice / Ed. by C.R. Mitchell, K. Avruch. London, 2013. P. 77–94.
2. Kriesberg L. Constructive conflicts // The Oxford International Encyclopedia of Peace / Ed. by N. Young. Oxford, 2010. Vol. 1. P. 476–480.
3. Kriesberg L. Constructive Negotiations in Contentious Contexts // Negotiating in Times of Conflict / G. Sher and A. Kurz. Israel, 2015. P. 125–139.
4. Kriesberg L. Challenges in Peacemaking: External Interventions // Peacemaking: From Practice to Theory / Ed. by S.A. Nan, Z. Mampilly, A. Bartoli. Oxford, 2012. Vol. 2. P. 700–722.
5. Kriesberg L. The State of Art in Conflict Transformation // Berghof Handbook for Conflict Transformation / Ed. by M. Fisher, H.J. Giessmann, B. Schmelzle. Berlin, 2011. P. 50–75.

ВЛИЯНИЕ МОБИЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННЫЕ ГОРОДСКИЕ ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Антонова Александра Андреевна

*аспирант 2 курса, кафедра культурологии и искусствоведения ДВФУ,
РФ, г. Владивосток*

E-mail: antonova-sasha@yandex.ru

THE IMPACT OF MOBILITY ON MODERN URBAN PUBLIC SPACE

Aleksandra Antonova

*postgraduate, of Far Eastern Federal University,
Russia, Vladivostok*

АННОТАЦИЯ

В статье подробно раскрываются понятия текучей современности, мобильности, а также выявляются основные факторы их влияния на публичную сферу современного города. Перечисляются характеристики современных публичных пространств, а также критерии

их выявления. Дается оценка важности применения аспектов мобильной социологии для изучения процессов, происходящих в современных городах.

ABSTRACT

The article describes the concept of liquid modernity, mobility, and identifies their influence on the public sphere of the modern city. The article lists characteristics of contemporary public spaces, as well as the criteria for their identification and assesses the importance of applying aspects of mobile sociology to study the processes taking place in modern cities.

Ключевые слова: мобильность; текучая современность; место; время; пространство; публичная сфера; публичное пространство.

Keywords: mobility; fluid modernity; place; time; space; public sphere; public space.

Весь мир находится в непрерывном движении. Лица, ищущие убежища, иностранные студенты, туристы, члены диаспор, звезды спорта, деловые люди, молодые профессионалы и многие другие заполняют мировые аэропорты, автобусы, паромы и поезда. Это разнообразие бесконечно пересекающихся маршрутов имеет множество последствий для существования различных городов на карте мира. Жизнь человека перестает быть статичной, и движение затрагивает практически все ее сферы.

Современные социологи (Дж. Урри, З. Бауман, М. Кастельс) сходятся во мнении, что «привычные концепции городской публичной жизни испытывают кризис» [9, с. 94].

Изучение процессов, происходящих в современных обществах, должно основываться на уточнении понятий, которые напрямую влияют на изменения публичных пространств сегодня – текучесть, сети, потоки и, собственно, ключевое понятие современности – мобильность. Все они связаны с наступлением «текучей современности», явления, подробно описанного З. Бауманом. «Твердая» современность была эрой взаимных обязательств. «Жидкая» современность – это эпоха разъединения, неуловимости, легкого бегства и безнадежного преследования. В «жидкой» современности успешны люди, способные быть свободными и передвигаться без предупреждения» [9, с. 95]. «Текучесть» способствует тому, что основной характеристикой жизни в мире провозглашается разворот в отношении категорий времени и пространства. Возникновение современности – это тот момент, когда пространство и время четко отделены друг от друга, и в связи с этим их можно воспринимать как абсолютно свободные категории.

В современности категория времени получает «историю», связанную с увеличивающейся «пропускной способностью». Здесь речь идет об удлинении отрезков, которые можно преодолеть за определенную единицу времени.

Закрепленность за конкретным местом уже не актуальна, так как любая точка на карте мира может быть достигнута в достаточно короткий промежуток времени. Вместе с тем, чрезмерная твердость, обремененность взаимными обязательствами могут оказаться поистине вредными, когда новые возможности неожиданно возникают в другом месте [1, с. 33].

Другой мощный источник, влияющий на изменение ощущения пространства человеком, – это информационные технологии. Самой прорывной технологией стала взаимосвязь интернета и мобильных сетей, дающая человеку возможность быть одновременно в нескольких точках пространства, без физического перемещения.

Дж. Урри и М. Кастельс отмечают, что пространство все больше конституируется не в категориях «места», а в категориях «потоков» [2; 3; 7]. Сегодня места, проводящие через себя потоки людей, это не только транспортные узлы, но и переулки, автомобильные развязки и автобусные остановки, те точки, чья важность в жизни горожанина выросла за последние десятилетия. Современный горожанин тратит большое количество времени в подобных «местах», теряющих традиционные характеристики «стабильности» [4, с. 78].

Возникновение таких точек напрямую связывают с мобильностью. Мобильность – еще одна важная характеристика современного общества. Наиболее полная проработка этого термина и связанных с ним теоретических понятий принадлежит Джону Урри: «мобильность требует совершенно других метафор: сети, потоки, текучесть, каналы и конечно, – метафора «глобуса» и глобального» [7, с. 134]. Он выделяет пять взаимосвязанных видов мобильности: физические перемещения людей, физические перемещения объектов, виртуальные перемещения посредством интернета, «воображаемые путешествия» и коммуникативные перемещения посредством телефонов, электронной почты [7, с. 135]. Урри указывает на то, что в современном городе привычные в прошлом запланированные встречи в определенное время в определенном месте сменяются гибкой системой молниеносных пересечений без завязки на время. Современные города порождают мобильные пространства и такие же встречи между людьми. И здесь на первый план выходит снижение значимости места в его прежнем восприятии горожанами [6, с. 431]. Люди перестают собираться в общественных городских местах. Вместо этого они используют их, как транзитные точки, места ожидания кого-то для дальнейшего движения

вперед. Чаще всего это часть траектории передвижения, нежели конечный пункт. Движение является нормой; статичность – исключением.

Но пока рано говорить о полном исчезновении публичной сферы. При более подробном рассмотрении видно, что речь идет лишь о ее трансформации. Традиционные публичные пространства города пустеют или наполняются людьми, которым не интересно присутствие рядом друг с другом. На смену им приходят различные новые типы пространств, в которых различия между посетителями всячески стираются или превращаются в нерелевантные [10, с. 159]. В этой ситуации публичными пространствами становятся просто места: интернет-кафе, кафе с WiFi-доступом.

Публичные интересы возникают не в пространстве соприсутствия физических тел, а в виртуальном пространстве. Люди находятся в виртуальном пространстве социальных сетей, где и ведут коммуникацию. В такой ситуации возникает потребность в определении иных форм публичных пространств, которые соответствуют новым критериям.

Во-первых, это критерий мобильности: эти пространства не нуждаются в территории, которая принадлежит только им, а пользуются любым доступным городским местом. Примером являются: паблик арты, слеты любителей автомобилей, сходы для коллективного благоустройства города и прочие временные собрания людей, не привязанные к конкретной территории. Речь идет о таких группах, которые Урри называет «сообществами, не предполагающими географической близости образующих их людей» [8, с. 152].

Во-вторых, способность к изменениям. В различные временные промежутки пространство способно обслуживать горожан, имеющих абсолютно разные цели для присутствия. Пример: «популярные во всем мире блошиные рынки или рынки выходного дня, которые используют городское пространство парковок или площадей временно, на выходных или по вечерам, тогда, когда оно свободно от своей основной функции» [5, с. 157].

Стоит отметить, что по мере развития общества само публичное пространство менялось и трансформировалось. Понятие публичности в античности представляло собой противоположность частной жизни, и имело политическую окраску. Демократия породила публичные дебаты. По мере развития техники и технологий публичная сфера перестала нуждаться в непосредственном общении людей, она переместилась на страницы газет и журналов, а далее в эфир телевидения. Кроме того, публичные пространства перестали быть только политическими, они получили социальный смысл. Общение людей вне своей частной жизни, обсуждение ими потребностей

по доброй воле на территории городских пространств – также является одной из характеристик публичной сферы.

С какой бы точки зрения мы не смотрели на публичность, неважно в античном городе или в виртуальной сфере, используя политическую концепцию или социальную, любое публичное, а именно, выходящее за рамки частной или интимной жизни пространство, характеризуется, прежде всего: свободой, возможностью действия, равенством участников и их добровольным участием. Это важно осознавать, анализируя современную городскую жизнь, которая характеризуется высокой индивидуализацией.

Если изучать эти процессы с точки зрения динамичности и непостоянства, то можно констатировать, что публичная сфера в современных городах не исчезает, а лишь претерпевает трансформацию форм. Это выражается в возникновении новых видов публичных пространств (виртуальные социальные сети, форумы), и в новых способах реализации публичности в классических публичных пространствах (создание WiFi-доступа).

Список литературы:

1. Бауман З. Текущая современность: пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова / З. Бауман – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе: пер. с англ. А. Матвеева / М. Кастельс – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. О.И. Шкаратана. / М. Кастельс – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
4. Оже М. От города воображаемого к городу-фигции // Художественный журнал. – 1999. – № 24. С. 67–79.
5. Паченков О.В. Блошинный рынок в перспективе социальной политики: «бельмо на глазу» города или институт «повседневной экономики»? // Социальная политика: реалии XXI века. Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур. – 2004. – Вып. 2., С. 271–314.
6. Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 117. – С. 419–439.
7. Урри Дж. Мобильности / Дж. Урри – М.: Издательство: Праксис, 2012. – 576 с.
8. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия: пер. с англ. Д. Кралечкина / Дж. Урри – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.
9. Харви Д. Право на город // Логос. – 2008. – № 3. С. 91–100.
10. Харламов Н. Пространство мобильного мира // Отечественные записки. – 2012. – № 5 (50). – С. 56–62.

ФИЛОСОФИЯ

СЕКЦИЯ

«ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ»

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ: КОРПОРАТИВНОСТЬ И РУКОВОДИТЕЛЬ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

Тараканов Александр Валерьевич

*аспирант кафедры философии Самарского государственного
аэрокосмического университета имени С.П. Королёва
(национальный исследовательский университет),*

РФ, г. Самара

E-mail: tarakanov.alek@mail.ru

CURRENT TRENDS: CORPORATISM AND THE HEAD IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL CREATIVITY

Alexander Tarakanov

*the postgraduate student, chair of philosophy of the Samara state space
university named after S.P. Korolyov, (National Research University),*

Russia, Samara

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются современные тенденции корпоративности и руководства в профессиональных творческих коллективах песенно-танцевального жанра на примерах Государственного Волжского русского народного хора им. П. Милославова (Самара) и Государственного Академического ордена Дружбы Народов Ансамбля песни и пляски Донских Казаков имени А. Квасова (Ростов-на-Дону). Данная статья в полной мере раскрывает положение вещей, происходящих не только в творческой профессиональной деятельности, но и в культуре.

ABSTRACT

The article considers the modern trends of corporatism and leadership in professional creative collectives of the song-dance genre on the examples of the The State Russian Popular chorus of the Volga named after P. Miloslavov (Samara) and the State Academic The Order of Friendship of Peoples Kvasov Ensemble of Song and Dance (Rostov-on-Don). The article fully discloses the state of affairs of what is happening not only in creative professional activity, but also in culture.

Ключевые слова: корпоративность; личность; способность; талант; индивидуальность; массовость.

Keywords: corporatism; personality; ability; talent; individuality; mass.

*Уровень чести общества зависит от уровня уважения
(даже почтения, поклонения) таланту;
нет большего удара по чести, чем торжество
посредственности.*

Е. Богат

Современная профессиональная среда представляет собой симбиоз неоднозначных представлений процесса межличностного взаимодействия. Культура общения в профессионально-производственной сфере приобрела черты корпоративности, через которую личность (артист) познает специфику взаимоотношений профессиональной деятельности и культуры в целом.

Говоря о корпоративности необходимо определить суть понятия корпоративного общения. Модель поведения личности определяется сферой, в которой личность (человек) находится в повседневности. Здесь уместно уточнить тот факт, при котором воздействие профессиональных качеств переплетается с уровнем развития как личности так и профессиональной (корпоративной) модели. Эта модель имеет свои специфические особенности в процессе мышления, общения и принятия ряда решений. Следовательно, образуется некая корпоративность, в которой будут четко прослеживаться черты той или иной профессии. Иными словами, модель поведения в творческом коллективе артиста балета будет резко отличаться от модели поведения артиста хора. Так же процесс вливания в коллектив песенно-танцевального жанра для новичка будет проходить по-разному. Это и определяет модель корпоративности.

Сегодня в культуре общения в системе профессиональных коллективов на поверхность вышла в большей степени эксцентрично-циничная форма взаимодействия. Пример тому события с балетмейстером большого театра С.Ю. Филиным. Можно только предположить, что происходит в коллективах в периферийных городах. Однако это касается всех социальных слоев общества и не только производственной сферы.

Возникновение неких корпоративных взаимоотношений определяется уровнем ценностных представлений той или иной производственной сферы внутри профессиональной деятельности и уровнем воспитательного потенциала лидера (по уровню профессиональных или иных качеств).

Подмена понятий, манипуляции ценностными и моральными принципами - все это возникает в результате личностных интересов лидера, в которые тесно вплетаются на подсознательном уровне интересы общества. То, что в глобальном смысле важно для одного (на завалуированном подсознательном уровне), важно и для каждого. Здесь мы говорим не о зрелой и сформированной личности. В большей степени мы касаемся личности, которой в силу своей зрелости приходится вступать во взаимодействие с корпоративной моделью общения того или иного социального слоя профессиональной среды. Личность, выходящая за рамки представлений (определенного рода традиций) творческой производственной сферы и проходящая процесс инициализации (посвящения), будет являться неуместной в системе деформированного (неадекватного) представления форм общения между коллегами. Эта ситуация характерна, к примеру, для профессиональных коллективов народного песенно-танцевального жанра городов Самары и Ростова-на-Дону.

Коллектив живет, когда пополняется свежими кадрами, но когда из коллектива уходят талантливые молодые люди, из-за несоответствия корпоративным взглядам лидера (отметим не по профессиональным качествам), а именно по личностным интересам лидера в категории (к примеру – танцор) профессии, то эти факты должны являться неприемлемыми в данной корпоративной модели общения для всего коллектива.

Хочется отметить и тот факт, что творческая работа, с одной стороны, муштра, но с другой стороны – не армия. Не коллектив решает, кому работать, а кому нет, именно руководство должно нести ответственность за талант, умение убеждать и направлять на творческое взаимодействие с коллегами по цеху.

В профессиональные коллективы России и поныне приходят способные, талантливые люди, со своим характером, своей внутренней культурой общения и мировоззрением. Как правило, это сложная и противоречивая личность, несущая в себе целый мир нравственных, в большей степени созидательных эмоций. Именно руководитель должен является наставником в профессиональной и воспитательной работе с такой личностью, а коллектив – посредник в воспитании профессиональной личности.

Критерии, определяющие профессиональный уровень личности в творческой профессии в полной мере представлены в словарях и энциклопедиях. Вот некоторые из них:

Способность – это свойство личности, являющееся условием успешного осуществления определенного рода деятельности. Способности развиваются из задатков в процессе деятельности, в сложной системе взаимодействия индивида [3, с. 649].

Талант – определенные или выдающиеся способности, которые раскрываются в любых областях с приобретением опыта. Талантливые люди в особых случаях выделяются и поощряются обществом (для этого в нормально устроенном обществе существует институт наградного права). Отметим, что талантливые люди могут направить свои возможности и на цели, несоответствующие моральным и юридическим общественным установкам [1, с. 574].

В сегодняшней системе координат творчества у руководителей практически ушли из лексикона такие понятия как: талант, профессионализм, уважение, преемственность, самоотдача и т. д.

Роль художественного руководителя утратила свою образовательно-воспитательную функцию и приобрела черты деспотично-циничного характера, либо пассивного наблюдателя творческого процесса под предлогом «сохраняем традиции».

Руководители в профессиональных коллективах не владеют ни языком музыки и танца, ни терминологией, плохо разбираются в правовой базе. Незнание возрастной и творческой психологии вводят коллектив в творческий коллапс. Само творчество в таких коллективах перестает быть процессом созидания и творения. Под прикрытием корпоративности и внутренних проблем, учащаются факты аморального и циничного поведения артистов.

Иными словами, сегодня можно наблюдать обратный процесс, который позволяет ориентировать (талантливую) личность не на индивидуальность, а на массовость. Массовая личность удобна в работе, она не противоречит, не дискутирует и не возражает, она даже не несет качественную оценку своей творческой деятельности.

Современный человек научился манипулировать не только поведением, но и чувствами. С разрушением внутренних культурных ориентиров ценности культуры становятся лишь объектом для массового человека, он перестаёт ощущать духовную и нравственную недостаточность, благодаря массовой культуре значимость его жизненной и человеческой величины принимается должным образом [2, с. 21].

Массовость сегодня объединяет по роду профессии и бытовательскому представлению в тех или иных вопросах культуры общения, шутках, стиле жизни.

Сегодня личности с привитыми социальными ценностями не “модны”. Смещение ценностей на «телесный низ», и материальные ценности привели к процессу обезличивания личности и стали доминирующей основой корпоративного взаимодействия.

Таким образом, ситуация происходящая в профессиональных коллективах носит неоднозначный характер в системе корпоративного общения, где роль лидера занимает позиция не художественного руководителя, а артиста, порой несущего в себе принципы циничного и морального абсурда.

Следовательно, корпоративность не должна основываться на стереотипах, она должна соответствовать нормативной системе и базироваться на:

- умении соответствовать профессиональным качествам;
- принципах преемственности и уважения;
- системе ценностно-этической регуляции отношений.

Список литературы:

1. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – XVI, 731 с. – (Библиотека словарей «ИНФРА-М»).
2. Тараканов А.В. Роль мифотворчества массовой культуры в координатах бытия (статья) Современные тренды развития социогуманитарного знания: сборник трудов III Международной научно-практической конференции, приуроченной к празднованию «Дня Знаний» в Российской Федерации, 1-4 сентября 2013 года. – Ростов-на-Дону: Издательство Международного исследовательского центра «Научное сотрудничество», 2013., 146 с.
3. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, Н.П. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ САМОБЫТНОСТИ НАРОДА

Черепова Анна Андреевна

*ассистент Кафедры культурологии и искусствоведения,
Дальневосточный федеральный университет,
РФ, г. Владивосток
E-mail: cherepova.aa@dvfu.ru*

CULTURAL HERITAGE AS A REFLECTION OF PEOPLE'S IDENTITY

Anna Cherepova

*assistant of Department of Cultural Studies and Art History,
Far Eastern Federal University,
Russia, Vladivostok*

АННОТАЦИЯ

В современной культурологии все более актуальными становятся исследования в области культурного наследия, его специфики, особенностей сохранения и его роли в формировании национального самосознания и усвоению культурных ценностей. Современное общество активно меняется под влиянием процессов глобализации и информатизации, которые негативно воздействуют на формирование культурной идентичности. Существует мировая тенденция коммерциализации культуры и потребления культурных услуг, как некоторых унифицированных продуктов. В то же время в обществе возрастает потребность в культурной идентификации, духовном развитии.

ABSTRACT

In contemporary culture becoming increasingly important research in the field of cultural heritage, its specific features, the features of conservation and its role in the formation of national identity and assimilation of cultural values. Modern society is actively changing under the influence of globalization and informatization, which have a negative impact on the formation of cultural identity. There is a global trend of commercialization of culture and consumption of cultural services, such as certain standardized products. At the same time increases the need for culture identification, spiritual development in society.

Ключевые слова: самобытность, объекты культурного наследия, инкультурация.

Keywords: identity, cultural heritage, inculturation.

Культурное своеобразие народа складывается на протяжении истории его формирования и обуславливает многообразие форм, видов и направлений культур современного мира. В процессе своего становления, традиционная культура способствует созданию целостной системы картины мира, регулируются нормы социальных отношений, ценностные установки, связь с историческим прошлым, и ориентация на будущее развитие. Все это находит свое отражение в обрядах, народных праздниках, ремесленных направлениях, фольклоре, а они, в свою очередь, воплощаются в специфических материальных объектах культуры того или иного периода [6, с. 40]. Понимая сферу культуры как время и пространство той или иной культурной деятельности, мы придерживаемся тезиса о том, что материальные и не материальные продукты культуры являются специфическим отражением самобытности того народа, которым они были созданы.

Суть исследовательской проблемы заключается прежде всего в том, что продукты сферы искусства и культуры уникальны, они имеют неповторимый характер и неразрывно связаны с именами своих творцов. Даже научные открытия и изобретения не отличаются такой степенью уникальности. Как правило, они являются продуктом своего времени. И если то или иное открытие не сделал тот или иной ученый, это не значит, что оно не будет сделано никогда.

Несколько иначе данные процессы происходят в сфере культуры и искусства. Если бы некоторый абстрактный деятель культуры и искусства не создал произведение именно в тот период времени, в котором он жил, то этого произведения не существовало бы в природе. Например, картины Леонардо да Винчи (Рис. 1), Рафаэля (Рис. 2), Рембрандта, И.Е. Репина и В.М. Васнецова, скульптуры Микеланджело и т. д. [1, с. 331].

Все это позволяет рассматривать сохранение объектов культурного наследия как приоритетное направление развития сферы культуры современного мира [5, с. 15].

Рисунок 1. Леонардо да Винчи, Джоконда

Рисунок 2. Рафаэль Санти, Дама с покрывалом

Исходя из специфики современного общества, зафиксированной в принципах социокультурной регуляции и отражающейся в настоящее

время в ежедневных практиках и быте человека, можно выделить некоторое проблемное поле [3, с. 162]:

- переориентация сферы культуры на развлекательный, взамен образовательному мотиву;
- возникновение тенденции на потребление «впечатлений»;
- размывание границ между массовой и элитарной культурой;
- культурная всеядность как некоторая духовная неразборчивость, которая приводит к поглощению индивидом как можно больше современности во всех ее видах;
- перенасыщенность сферы культуры новыми культурными формами;
- тенденция к утрате культурной идентичности.

Культурные ценности призваны помочь человеку идентифицировать себя с некоторой общностью, посредством восприятия культурного продукта. В этом заключается функция обучения – раскрывать высшие ценности человеческого существования, и таким образом раскрывать человеку его подлинный духовный статус, который в контексте повседневности не очевиден.

На сегодняшний день мы имеем ситуацию нагромождения культурных феноменов (массовое производство книг, журналов, выставок, фильмов, презентаций, встреч, поездок, обменов и т. д.) [4, с. 520] которые не всегда к чему-то призывают или учат и не всегда способствуют культурному обогащению человека, а порой и наоборот, ведут к деградации личности. Отсюда возникает острая проблема выбора, встающая перед современным человеком и потребностью в существовании некоторых фильтров, позволяющих правильно идентифицировать важные и ценные элементы культуры, способствующие духовному росту.

В связи с этим актуальным становится вопрос самобытности народа и роли культурного наследия в ее поддержании. Культурное наследие включает в себя те элементы культуры, которые оказались наиболее значимыми в процессе ее формирования. Эти элементы являются отражением наиболее важных событий, открытий, в процессе исторического развития оказавших влияние на менталитет народа, либо объекты, свидетельствующие о значимых событиях в его истории и позволяющие помнить о них. За свою жизнь человек успевает освоить, перевести в свой внутренний мир лишь малую долю культурного наследия. Последнее остается после него для других поколений, выступая как общее достояние всех людей, всего человечества. Однако таковым оно может быть лишь при условии своего сохранения.

Поэтому сохранение культурного наследия в известной мере совпадает с сохранением культуры вообще [2, с. 58].

В целом охрана культурного достояния в современном мире становится все более сложной и острой. Эта проблема требует постоянного внимания. Без преувеличения можно сказать, что об уровне развития культуры того или иного народа следует судить по тому, как он относится к своему культурному наследию.

Список литературы:

1. Бетехтина Д. А. Сфера культуры как особая область экономической деятельности // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 4. – С. 330–333.
2. Добиаш-Рождественская О.А. Духовная культура средневекового Запада / О.А. Добиаш-Рождественская. – М.: URSS: КомКнига, 2010. – 219 с.
3. Культурное наследие Приморья: сб. докл. 2-й науч.-практ. конф. / МБУК ЦБС Находкин. гор. округа, Гор. библиотека-музей; сост.: З.Н. Ковалева, Н.Ю. Воронкина; ред. Н.Ю. Воронкина. – Находка, 2014. – 350 с.
4. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры: Текст как семиотическая проблема: Семиотика бытового поведения: История литературы и культуры. - Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2002. – 765 с.
5. Шинаев С.Я. Деревянное зодчество. Толковый словарь терминов и понятий. – М.: Спецпроектреставрация, 1992. – 67 с.
6. Яралов Ю.С., Астафьева-Длугач М.И. Самобытность и национальные особенности в советской архитектуре / Ю.С. Яралов, М.И. Астафьева-Длугач. – М.: Знание, 1976. – 48 с.

СЕКЦИЯ

«ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ»

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «НАЧАЛО»

Андреева Ольга Сергеевна

*ассистент кафедры социологии и политологии,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
РФ, г. Самара
E-mail: olsand@mail.ru*

ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF ORIGIN

Olga Andreeva

*assistant of Sociology and Political Science Department,
Samara National Research University,
Russia, Samara*

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является прояснение значения категории «начало» в русском и древнегреческом языках, для чего используется метод этимологического анализа. В исследовании обосновывается, что конкретные значения слова «начало» в русском языке существуют как исконные, а абстрактные значения появились под воздействием греческого языка.

ABSTRACT

The article analyses meanings of the concept of origin in Russian and Ancient Greek by the etymological method. The research proves that concrete meanings of this word in Russian are original and the abstract ones emerged due to the Greek influence.

Ключевые слова: начало; первоначало; архэ; славянская этимология; греческая этимология.

Keywords: origin; first principle; arche; Slavic etymology; ancient Greek etymology.

С самого возникновения философской мысли как формы познания мира категория «начало», или ἀρχή, «первоначало», стало фундаментальным понятием философии. Философские построения мыслителей разных эпох были направлены на то, чтобы определить те исходные принципы, которые лежат в основании бытия мира, то есть были нацелены на поиски его первоначала, ἀρχή.

Толковые словари современного русского языка выделяют, как правило, четыре основных значения слова «начало»: 1) начало в пространстве (как крайняя точка протяженных объектов); 2) начало во времени (как исходные моменты протекающего во времени действия или явления); 3) начало как то, что лежит в основании, или основные положения, принципы; 4) начало как первоисточник, основная причина [2, с. 608; 5, с. 399; 6, с. 651–652].

Целью данной статьи является прояснение значения слова «начало» в этимологическом контексте, что позволит уточнить собственно философское значение этого слова в современном русском языке. В исследовании понятия «начало» мы попытаемся, углубившись в этимологию данного слова, опереться на исторические данные языка. В свою очередь, в этимологических разысканиях можно выявить два основных направления исследования. С одной стороны, существует славянская этимология, откуда берет начало сам корень, произношение и написание слова в русском языке, с другой – для анализа философского содержания данного понятия для нас также будет важна древнегреческая этимология, в рамках которой впервые было выработано основное философское содержание понятия «начало».

В ходе исторического развития эти два значения взаимодействовали друг с другом. Более того, можно предположить, что третье и четвертое значения слова «начало», которые дают нам толковые словари современного русского языка, появились не только и не столько как следствие изолированного развития русского языка в сторону метафоризации и абстрагирования, а отчасти стали результатом взаимодействия с другими языками, в частности, с греческим языком, который в Средние века, в период, когда складывался русский язык, оказывал большое влияние на процесс его формирования.

Прежде чем приступить к этимологическому анализу данного слова, позволим себе сделать некоторые оговорки. Во-первых, в нашем исследовании мы должны учитывать тот факт, что сама этимология зачастую носит гипотетический характер, а авторы этимологических

словарей могут предлагать несколько версий происхождения слова [3, с. 645]. Во-вторых, наш небольшой экскурс в историю развития этого слова никак не претендует на то, чтобы полностью восстановить логику развития этого понятия, поэтапно проследить его эволюцию. Такая работа требует более глубокого лингвистического анализа источников. Наша задача состоит в том, чтобы проследить основные смысловые линии, которые могли повлиять на становление данного понятия в историческом контексте. Главное для нас – восстановить общую картину эволюции этого слова. Мы надеемся, что это поможет глубже постичь его смысл.

Прежде всего, обратимся к славянской этимологии слова «начало». Общим индоевропейским корнем слова начало является корень *ken-. Несмотря на то, что славянское происхождение данного слова вырастает из индоевропейской этимологии, оно имеет свои особенности. В европейских языках развитие этого корня пошло по своему пути: например, в латинском языке этот корень эволюционировал в *gesens* – «свежий», а в греческом в *καινός* – «новый» [8, с. 51] и отчасти сохранил семантическую связь с современным значением этого корня в русском языке.

В славянских же языках из-за чередования согласных (к и џ) и гласных (о и е) звуков в корне слова данный корень приобретает иное звучание. Более того, с этим чередованием звуков связано такое интересное явление, как энантиосемия (от *греч.* *enantios* – «противолежащий, противоположный» и *sema* – «знак») – развитие в слове антонимических значений, поляризация значений. В русском языке слова «начало» и «конец», которые на современном этапе развития языка являются антонимами, имеют общее происхождение и вырастают из единого корня. Оба эти слова восходят к общему для них индоевропейскому корню *ken-, обозначающему «предел» и родственному санскритскому кун «закрывать» и куна «угол, острие, край» [1, с. 4]. Данная пара слов – начало и конец – является одним из самых ярких примеров энантиосемии в русском языке [4, с. 61]. Она проявляется как изначальное сосуществование противоположных значений в одном слове с последующим их разделением. Подтверждение тому – многочисленные примеры из различных славянских языков (например, из сербохорватского, где выражение «от кона до кона» означает «с начала до конца» [3, с. 644]), а также и из русского языка, сохранившего такие выражения, как «испокон веков», «искони», которые, имея корень, созвучный слову «конец», все же семантически отсылают к началу. Общность этимологии этих слов свидетельствует о первичности одного нерасчлененного понятия

«конца-начала», которое впоследствии разделилось на два противоположных по значению слова [1, с. 4]. Изначальное сращение данных понятий и происхождение их из одного корня объясняется тем, что исходно в языке не существовало критериев различения данных понятий. В поле пространственного значения, где наблюдатель мог изменять свое положение и конец превращаться в начало, а начало в конец, этот процесс был затруднен.

Судя по этимологии, мы можем предположить, что исходно данный корень возникает и функционирует как характеристика пространственных объектов, но позже приобретает и темпоральное значение. Так, по мнению Арутюновой, наиболее благоприятные условия для двоения понятия «концов» создает одномерность и однонаправленность времени, и именно в темпоральном контексте происходит четкое разделение единого понятия конца (предела, границы) – партнером конца становится начало. Это связано с тем, что позиция наблюдателя (точка отсчета), которая может быть инвертирована в пространстве, не допускает инверсии во времени: ход времени и всего того, что в нем происходит, неизбежно движется из прошлого в будущее [1, с. 8–9].

Исследователь следующим образом реконструирует картину расхождения значений исходного нерасчлененного корня: «заимствовав понятие одномерной линии и ограничивающих ее точек (концов, пределов) из геометризованной модели пространства, время разделило понятие концов (пределов), введя оппозицию начала и конца, основанную на необратимости своего движения. Затем оно вернуло эту оппозицию пространству» [1, с. 9–10]. С появлением ориентации и направления значения слов «начало» и «конец» окончательно разошлись и превратились в противоположные.

Итак, в славянских языках слова «начало» и «конец» исконно имели значение края, предела, границы. Соответственно, мы можем говорить о том, что исходное значение этих слов – и это соответствует логике развития языка – носило конкретный характер, обозначая пространственные или временные пределы материальных объектов или процессов. Таким образом, именно первые два значения слова «начало», которые дают современные толковые словари русского языка, и являются исконными значениями этого слова в славянских языках.

Теперь обратимся к греческой этимологии слова «начало». Слово «начало» соответствует слову ἀρχή в греческом языке, у которого имеется два основных значения. Этимологический словарь Х. Фриска дает следующие его толкования: ἀρχή – 1. «начало, источник,

происхождение»; 2. «господство, власть, правительство, правление». Производными этих двух значений, соответственно, становятся слова $\acute{\alpha}\rho\chi\alpha\iota\omicron\varsigma$ – «изначальный, первоначальный, старинный, древний, старый» и $\acute{\alpha}\rho\chi\iota\kappa\omicron\varsigma$ – «к власти принадлежащий, к власти пригодный» [14, с. 158]. Иногда указывают третье значение слова $\acute{\alpha}\rho\chi\eta$ – «область, сатрапия», происхождение которого несложно проследить от второго значения «власть, господство, правление».

К этой же корневой группе в греческом языке относится глагол $\acute{\alpha}\rho\chi\omega$, имеющий общее значение «быть первым». Он может употребляться как в значении «начинать, приступать», так и в смысле «господствовать, править». То есть пара значений «начало-власть» сочетаются и в этом слове. От этого же корня в греческом языке происходит название деятеля $\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\varsigma$ – «вождь, предводитель» и должности $\acute{\alpha}\rho\chi\omega\nu$, $\acute{\alpha}\rho\chi\omega\nu\tau\omicron\varsigma$ (в русском варианте – архонт) – «начальник, правитель, глава» [13, с. 145]. Эта должность в Древней Греции существовала еще с XI в. до новой эры.

Таким образом, в древнегреческом языке оказываются связанными в одном слове значения начала и власти, чего мы первоначально не наблюдаем в славянских языках. С другой стороны, в древнегреческом языке в слове $\acute{\alpha}\rho\chi\eta$ отсутствует конкретное пространственное значение слова «начало» как предела, которое было изначальным в русском языке. Совпадает в славянской и греческой этимологии слова «начало» лишь темпоральное значение, скорее всего, оно и становится основанием когеренции и сращения значений этих слов в русском языке.

Сема власти в славянских языках появляется в таких родственных началу словах, как «начальник» и «закон». В связи с этим интересным, на наш взгляд, будет проследить этимологию этих слов в русском языке.

Слово «начальник» является созвучным слову «начало», но семантическая связь этих двух слов в русском языке не вполне ясна. В древнегреческом языке совпадение корней слов «начало» и «начальник» закономерно, т. к. одним из значений слова «начало» является «власть, правление», соответственно, и «архонт» – «правитель, начальник» – происходит именно от этого значения. В исконно славянском же значении слова «начало» отсутствует сема власти, которая, однако, появляется в слове «начальник».

Здесь можно говорить о нескольких вероятных способах объяснения данного явления. Первое объяснение связывает происхождение русского слова «начальник» в Средние века с прямой калькой с $\acute{\alpha}\rho\chi\omega\nu\tau\omicron\varsigma$ из древнегреческого языка, в котором слова «начало» и «начальник» являлись однокоренными и который оказал

мощнейшее влияние на развитие церковнославянского языка на Руси после принятия христианства. В пользу этой версии говорит тот факт, что, например, термином «архонт» (правитель, производное от ἀρχή) греки обозначали древнерусских князей, да и сами князья называли себя этим титулом в грекоязычных надписях, например, на своих печатях.

Согласно другой версии, слово «начальник» восходит к старославянскому *čelo – «лоб, передняя выступающая сторона предмета», которая, в свою очередь, восходит к индоевропейской основе *kel – «подниматься, возвышаться» [9, с. 45–46]. От этой же основы путем сложения со словом *vĕkъ, как мы помним, происходит слово «человек» [9, с. 48–49]. От слова *čelo происходит слово načelnikъ – «начальник», которое во многих славянских языках имеет значение «начальник, предводитель, главарь, налобная повязка» [12, с. 224]. Если следовать этой версии, то слова «начало» и «начальник» в русском языке происходят от совершенно разных основ и в ходе употребления сближаются фонетически.

Можно найти и третье объяснение, которое связывает начало и начальника с республиканскими традициями Новгорода: начальник – это начинатель, зачинатель нового, инициатор изменений в республиканском обществе. Начальник – это тот, кто брал на себя инициативу в управлении. Однако нужно отметить, что мы не нашли серьезного подтверждения этой версии в научной литературе.

Нам сложно однозначно отдать предпочтение какой-либо одной из первых двух гипотез происхождения слова «начальник», но так или иначе в ходе исторического развития в значение слова «начало» в русском языке добавляется и сема власти, что в современном языке подтверждается, например, появлением выражения «быть под началом», т. е. подчиняться кому-либо.

Общее происхождение также связывает слова «начало» и «закон» в русском языке. Возникновение слова «закон», как нам представляется, идет по следующей линии: корень *kōpъ, от которого образовано слово *kōpъсь, обозначавшее в древнерусском языке «конец, предел» [11, с. 5–6], в русском языке приобретает значения «ряд, порядок, очередь, раз» [10, с. 195]. А в древнерусском языке родственное ему слово «поконъ» имело значение «начало, обычай» [7, с. 310]. Видимо, от этих слов и следует вести происхождение слова «закон», которое, приобретая приставку «за-», продолжает развитие данного значения, и в современном русском языке имеет такие значения, как «постановление государственной власти, нормативный акт, принятый государственной

властью; установленные государственной властью общеобязательные правила», «общеобязательное и непреложное правило» [5, с. 207–208].

Итак, следуя данным этимологии, мы можем считать, что исконным значением слова «начало» в русском языке было его пространственно-временное значение, которое обозначало границу, предел протяженного в пространстве или времени объекта, или явления. В дальнейшем на становление новых значений слова «начало» в русском языке, как нам представляется, сильное влияние оказал греческий язык. Вполне вероятно, что именно под воздействием греческого языка слово «начало» в русском языке приобретает значение «власти», и скорее всего, благодаря влиянию греческого языка слово «начало» начинает использоваться и в абстрактном философском значении.

Как мы помним, слово «начало» в философском смысле впервые стало употребляться именно в древнегреческом языке. Именно это понятие использовали античные философы для обозначения первоначала, именно в их трудах слово ἀρχή – это то, что существует изначально и определяет основные принципы существования всего сущего. В связи с развитием теоретического мышления в Древней Греции и появлением философского знания это слово быстро приобретает значение философской категории.

Несомненно, что для философского рассуждения наиболее значимыми являются последние два абстрактных значения слова «начало», которые дают современные толковые словари русского языка, а именно, начало как то, что лежит в основании, или основные положения, принципы и начало как первоисточник, основная причина. Именно эти значения, как нам представляется, возникают в русском языке под влиянием греческого языка и составляют основу философской интерпретации категории «начало».

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М.: Индрик, 2002. С. 3–18.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Варбот Ж.Ж. Этимология // Русский язык. Энциклопедия / Гл. редактор Ю.Н. Караулов. Изд. 2-е, дополн. и перераб. – М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 643–847.

4. Ермакова О.П. Существует ли в русском языке энантиосемия как регулярное явление? Вспоминая общую этимологию начала и конца // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М.: Индрик, 2002. С. 61–68.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: Астрель-АСТ, 2003. 1582 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т 2. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е издание, стер. – М.: Прогресс, 1986. 672 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е издание, стер. – М.: Прогресс, 1987. 932 с.
9. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачева. Вып. 4. – М.: Наука, 1974. 235 с.
10. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачева. Вып. 10. – М.: Наука, 1983. 198 с.
11. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачева. Вып. 11. – М.: Наука, 1984. 220 с.
12. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачева. Вып. 21. – М.: Наука, 1994. 236 с.
13. Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. Vol. I. Leiden-Boston: Brill, 2010. 1808 p.
14. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Band I. Heidelberg: Carl Winter-Universitätsverlag, 1960. 938 s.

СЕКЦИЯ

«СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ»

ПОТРЕБНОСТЬ В ВЫСШЕЙ ДУХОВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Базаров Отабек

*ст. научн. сотр., соискатель
Национального университета Узбекистана,
Республик Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: kumush.otabek@mail.ru*

THE NECESSITY FOR HIGHER SPIRITUALITY IN THE GLOBALIZED WORLD

Otabek Bazarov

*sSenior Research Scientist, External Doctoral Candidate,
National University of Uzbekistan,
Uzbekistan, Tashkent*

АННОТАЦИЯ

В данной статье освящены вопросы соотношения духовности и высшей духовности, потребность в высшей духовности в условиях глобализации, показателей, определяющих степень сформированности определенных духовно-моральных качеств. Кроме того, сделана попытка определить, что такое духовная личность, как развивается духовность человека, а также приведена группа показателей, определяющих степень сформированности определенного духовно-морального качества.

ABSTRACT

The article deals with questions on the correlation of spirituality and higher spirituality, the necessity for the highest spirituality in the context of globalization, indicators measuring the extent of formation of certain spiritual and moral qualities. Besides, an attempt is made to define what a spiritual person is, how human's spirituality develops and the group

of indicators is shown that determine the degree of formation of a certain spiritual and moral quality.

Ключевые слова: глобализация; духовность; высокая духовность; качество; мораль; этика.

Keywords: globalization; spirituality; higher spirituality; quality; morality; ethics.

В условиях глобализации научная способность, талант, изыскания, успехи, открытия молодежи, естественно, радуют любого человека. Однако, не сильно радуясь достигнутым успехам, нельзя забывать важную составляющую – духовную совершенность.

Чтобы здание было прочным, строитель использует качественное сырье. Прочность здания зависит от квалификации строителя, а также от качества материалов. Воспитательный процесс имеет то же сходство. Человека, имеющего высокую духовность, стремящегося к совершенству, можно сравнить с чистым, блестящим зеркалом. Его лучи помогают окружающим найти свой путь и дойти безопасно до своего адресата. Такая личность является духовной личностью. Чем больше человек умножает свои достоинства и уменьшает свои недостатки, тем больше возвышается степень его духовности. В результате он превращается в личность с высшей духовностью.

Прежде чем вести разговор о высшей духовности, надо определиться, что такое духовность.

Духовность – свойство психики человека, состоящее в преобладании нравственных и интеллектуальных интересов над материальными интересами. Духовно богатый человек характеризуется высокой культурой, готовностью к самоотдаче и саморазвитию. Его духовные потребности побуждают его размышлять о вечных ценностях бытия, смысле жизни. Духовность – это ответственность человека за себя, свои поступки, судьбу Родины [1].

Ссылаясь на данное определение, попробуем выяснить, что такое высокая духовность.

В некоторых словарях приведены значения слова «высшее», такие как «высокое», «высокой степени». Соответственно, и духовность человека можно оценить, разделяя ее на нижние, средние и высокие степени.

С древних времен среди простого народа человек с высшей духовностью оценивался как «толковый человек», а духовно низкий индивид как «бестолковый человек». Толковых людей упоминали с уважением, а от бестолковых старались находиться подальше.

Этика и мораль, человечность и самое главное – хорошие качества личности учат нас, как относиться друг к другу. Многие из нас в течение многих лет ищут пути достижения духовного совершенства. Чтение книг, постоянный поиск, пристальное наблюдение окружения – одна сторона пути, а усвоение хороших качеств, исправление морали-поведения, самовоспитание являются следующей важной дорогой.

Согласно мнению ученых, философов, историков, социологов и других исследователей, осуществляющих деятельность в сфере понятия духовности, «мораль, этика, знание, талант, вера, совесть есть духовный фактор, создающий фундамент для формирования духовности. Сущность духовности можно представить только на основе единства, взаимосвязи, прямого и косвенного влияния этих человеческих качеств. Духовное совершенство человека развивается во взаимосвязи с его деятельностью, сознанием. Значит, требуется анализировать сущность духовности на основе системного подхода» [2, с. 29].

Некоторые исследователи и ученые связывают духовность с внутренним духовным миром человека. Понятие духовности предстает в качестве феномена, относящегося к психике, психическим настроениям, внутренним переживаниям человека.

Духовность можно определить как вопрос жизни и смерти, потому что благоустроенную жизнь не создает какой-либо один человек, ее создают люди с высшей духовностью, проживающие в определенной стране. Такие люди привлекают свое «Я», то есть основу духовности, на выполнение великих и полезные для общества дел. Они стараются внести свою лепту в благие дела, совершаемые в обществе, мечтают благоустроить общество.

Понятие духовности является безграничным понятием, как «Мир», «Жизнь», «Любовь», и оно формируется, материализуется в сознании и в душе, проявляется в человеческом виде. Чтобы определить его границу и количество, необходимы критерии. Такими критериями являются количество и качество человека и их отражение в общении с обществом.

Так, следующее определение А. Эркаева может стать доказательством нашего мнения. «Духовность – является сущностью человека в качестве социально-культурного создания, то есть комплексом таких человеческих качеств как милосердие, справедливость, прямота, честность, совестливость, честь, патриотизм, любовь к прекрасному, вдохновение, ненависть к злости, воля, героизм и многое другое где настоящие человеческие качества и черты проявляются во единстве» [5, с. 10–11].

Когда человеческие черты приобретают положительную окраску, то есть становятся качеством, они приобретают качества духовности.

Духовность может создать безотрывную систему, которая, объединяя мораль и этику, знания, талант, способности, практические навыки, совесть, веры, мировоззрения человека, будет положительно влиять на развитие общества. Духовность считается важным фактором, который стимулирует общества к прогрессу, повышает мощь государства.

Чтобы развить духовность в себе, человек должен трудиться от души, по совести, с умом. В духовности проявляются вера, мораль человека, его понятия о жизни. Осознание ответственности перед Родиной, народом также является признаком высшей духовности.

«Духовность – такой бесценный продукт, – отмечает глава государства Ислам Каримов, – зона появилась в душе нашего древнейшего и молодого народа, в великой семье Человечества вместе с пониманием своей независимости и чувством любви к свободе. Духовность прививается человеку с молоком матери, примером отца и заветами предков. Великое значение родного языка в том, что он в качестве признака духовности спланирует людей. Близость к природе, любовь к красоте родного края обогащает, усиливает духовность. Духовность, когда опирается на глубокое знание и осознание истории своего народа, его культуру и задачи, превращается в мощную силу» [3, с. 78].

С учетом высокой потребности в духовности в условиях глобализации из вышеприведенных мнений можно сделать следующие выводы:

Во-первых, если духовность связана с судьбой нации и страны, она является критерием отношения человека к природе и обществу, ее формирование и развитие также должно стать объективной закономерностью. Работа, которая ведется в этом направлении, служит для воспитания молодежи как обладателя высшей духовности и гармонично развитого человека. Потому что только людям с высшей духовностью можно доверить судьбу нации и страны. Только духовно развитые люди могут правильно понимать будущее своей родной земли и народа.

Во-вторых, в эпоху современной глобализации, для того чтобы повысить духовность, каждый гражданин должен независимо мыслить, исходя из реалии современной жизни, и жить с чувством причастности ко всем изменениям в нашей стране. Народ, который имеет такие человеческие качества, как высшую духовность никогда, ни от кого бы то ни было не будет зависеть и обязательно достигнет своих высоких целей и чаяний.

В-третьих, надо внедрить в жизнь опыт народов мира, народов, живущих на тюркоязычной земле, их сложный путь развития, уроков и выводов, исходящих из них. Только тогда молодое поколение,

сравнивая вчерашний и сегодняшней день, сформирует в себе чувства благодарности и причастности к сегодняшнему дню.

В-четвертых, необходимо создать достаточное условие для мирной жизни народа, чтобы жить великими и благими целями. Только тогда там возникает среда свободного мышления и на этой основе новые возможности для духовного роста.

В-пятых, когда стучат в дверь угрозы эпохи глобализации, надо думать не о простой духовности, а высокой духовности, потому что птица, которая намерена высоко взлететь, если будет низко летать, станет жертвой какой-нибудь твари и погибнет, ударясь обо что-нибудь.

«Нет человека без духовности. Однако она у кого-то развита слабее, среднее, у кого-то, может, повыше. На практике понятие духовности существует и в общем, и в едином виде. То есть у каждого человека, у каждой семьи, у каждого коллектива существует своеобразно сформированная духовность» [4, с. 77].

При определении степени сформированности духовно-моральных качеств человека, в процессе изучения сформированности определенных духовно-моральных черт и качеств требуется дать цельную оценку отражаемой ситуации при помощи точных показателей. Поэтому не будет бесполезным определить группу показателей, гарантирующих цельность оценки отражаемой ситуации.

В нижеследующей таблице приведена группа разработанных нами показателей, определяющих степень сформированности добровольного духовно-морального качества:

Таблица 1.

**Группа показателей, определяющих степень сформированности
определенного духовно-морального качества**

Высокая степень	Средняя степень	Низкая ступень
Имеет понятия достаточной степени	Имеет частное понятие	Не имеет понятия
Усвоил знания в достаточной степени, может применять их на практике	Имеет частичные знания, может их применять в определенных ситуациях	Не может применять имеющихся знаний или не имеет знаний
Может защищать свою позицию	Частично может защищать свою позицию	Не может защищать свою позицию
Может активно бороться с негативными ситуациями	Не может проявить активность достаточной степени в борьбе с негативными ситуациями	Не может бороться с негативными ситуациями

Существует огромное количество факторов, влияющих на будущее страны, однако оно в значительной мере зависит и от сознания людей. Самое большое богатство и сила скрыты в психике, духовности людей. Чем больше данный капитал войдет в обращение в широком масштабе, тем шире открывается дорога в сторону высшей духовности. Повысится позиция Узбекистана в мировом сообществе, узбекистанцы будут иметь возможность приобрести величие, достойное своих предков. А для этого требуется каждого человека воспитать с высшей духовностью – то есть духовно чистым, с сильным внутренним миром и волей, великой верой, свободно мыслящим человеком, в целом – человеком огромной духовной силы.

Список литературы:

1. Без автора. Духовная жизнь и потребности человека / – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/duhovnye-potrebnosti.html> (Дата обращения 15.05.2016 г.).
2. Камилова Т.К. Диссертация. Мустақиллик шароитида жамият маънавияти ривожланишининг асосий хусусиятлари. – Ташкент: «ФАН», 2001 йил.
3. Каримов Ислом. «Ўзбекистон: миллий истиқлол, иқтисод, сиёсат, мафкура». – Ташкент: «Ўзбекистон», 1993. – 78-б.
4. Каримов Иброҳим. Ноосфера: геосиёсат ва мафкура. – Ташкент: «ФАН», 2007. – 77-б.
5. Эркаев А. Маънавият ва тараққиёт. – Ташкент: «Маънавият», 2009. – 10–11-б.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ЕВРОПЕ

Гасымова Нармина Вагиф гызы

*преподаватель кафедры общественных наук Азербайджанского
государственного Университета Нефти и Промышленности,
Азербайджанская Республика,
РФ, г. Баку
E-mail: hseva@list.ru*

PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF MULTICULTURALISM IN THE EUROPEAN CONTEXT

Narmina Gasimova

*lecturer of "Social Sciences" Chair,
Azerbaijan State Oil and Industry University,
Azerbaijan, Baku*

АННОТАЦИЯ

В настоящее время мультикультурализм и культурный плюрализм играют важную роль в жизни современного общества.

В современной Европе мультикультурализм предполагает, прежде всего, включение в ее культурное поле элементов культур иммигрантов из стран третьего мира.

Азербайджан – один из примеров слияния различных культур и толерантности.

ABSTRACT

Nowadays multiculturalism and cultural pluralism have an important role in modern society.

In modern Europe, first of all, multiculturalism assumes the inclusion of cultural elements of immigrants from the countries of the "Third World" into its cultural field.

Azerbaijan is one of the examples of different cultures and tolerance integration.

Ключевые слова: политика мультикультурализма, интеграция, мультикультурализм, миграционные процессы, толерантность.

Keywords: multiculturalism policy, integration, multiculturalism, migration processes, tolerance.

Мультикультурализм является устойчивым атрибутом современных мировых государств. Культурный плюрализм – один из актуальных терминов политического лексикона. Глобализация и модернизация цивилизованных государств, а также расширение коммуникационных сетей и средств массовой информации, урбанизация, социальные изменения общества приводят к большой вариативности и созданию более сплоченных различных группировок, в том числе этнических идентичностей.

Социальную задачу мультикультурализма можно определить, как снятие коммуникативных барьеров, препятствующих полному и равному участию всех граждан в жизни общества. В настоящее время идеология мусульман и культурного плюрализма стала рассматриваться как основной и главный актор, способствующий взаимообогащению культур и построению гармоничного общества. В отличие от традиционной идеологии, он является основным акцентом для защиты не индивидуальных прав граждан, а прав коллективных индивидов в лице различных этнических и конфессиональных общин. Мультикультурализм и диалог культур позволяют признать инаковость меньшинств, включая их в общественную жизнь.

Мультикультурализм – это феномен этнокультурной фрагментации социума, в целом его можно определить, как «многокультурность». Политика мультикультурализма является одним из аспектов толерантности, который заключается в требовании параллельного существования культур в целях их взаимного проникновения, развития и обогащения в общечеловеческом русле массовой культуры.

Проблемы культурного плюрализма и диалога являются актуальными для современной философии, а также для современного общества. Глобализация общества также является основным фактором для развития социально-культурных действий.

Концепция мультикультурализма, в основном, выдвигается в высокоразвитых государствах Европы. В современной Европе идею мультикультурализма, прежде всего, понимают, как включение в ее культурное поле элементов культур иммигрантов из стран третьего мира.

Идея мультикультурализма как характеристика современного общества, представленная многообразием культур, и как сугубо культурологический принцип заключается в том, что люди разной этничности, религии, расы должны научиться жить бок о бок друг с другом, не отказываясь от своего культурного своеобразия. Культурный плюрализм является устойчивым атрибутом современных государств.

В Европе существует много развитых стран, где политика мультикультурализма проводится успешно. Философский подход к этой концепции заключается в том, чтобы стремиться выступить в качестве координатора процессов взаимодействия «чужого» и «собственного».

В 1980-е годы концепции мультикультурализма вошли в политическую практику некоторых высокоразвитых стран. Мультикультурализм стал политикой, способствующей взаимообогащению культур и построению гармоничного общества. Толерантность как основа британской политики уступает место нетерпимости к иному вероисповеданию, культуре и образу жизни [1, с. 213–230].

Великобритания одной из первых приняла политику мультикультурализма, но, в отличие от Австралии и Канады, никогда не провозглашала мультикультурализм официальной доктриной, определяющей политику государства в отношении этнических меньшинств. Тем не менее, страна очень активно воплощала идеологию мультикультурализма на практике.

Соединенное Королевство является разнородной в этническом отношении страной. И одной из характерных социокультурных и политических практик современной Британии является мультикультурализм. По статистике 2015 года, в Британию переселились 330 тысяч иммигрантов. Долгое время британская политика считалась одним из лучших и наиболее успешных проектов адаптации граждан из бывших колоний, а толерантность была гордостью британцев. Однако в августе 2011 года этот процесс ослаб.

Приток иммигрантов в Соединенное Королевство на протяжении последних лет, а также противоречия, возникающие в обществе на фоне этих процессов, доказали несостоятельность мультикультуральной политики. Но Великобритания как страна с древними корнями государственности и богатой культурой имеет особую модель мультикультурализма. Здесь активно внедряется широкая система мер по поддержке национальных меньшинств с целью сохранения ими самобытности, культуры, традиции и обычаев, недопустима дискриминация по национальному или расовому признакам. Толерантность для британцев превратилась в догму, и главным идеологом мультикультурализма является лейбористская партия.

Как в других развитых современных странах Европы, в Германии тоже имеются как критики, так и сторонники идей мультикультурализма. Сторонники утверждают, что рабочие-иммигранты остаются жить и работать здесь временно. Таким образом, идейный процесс этнизации меньшинств в Германии показывает, что она фактически является мультикультурной страной. В данный момент

в Германии проживает 3,8 миллиона мусульман. Из них 2,7 миллиона человек турецкого происхождения, остальные – в основном, иммигранты из восточных государств, особенно из арабских стран.

Вначале причиной привлечения иммигрантов была нехватка рабочей силы. Бурное развитие Германии в 1950–1960-е годы требовало много рабочих рук, и это привело к потоку мусульманских иммигрантов в Германию. В результате экономика Германии получила требуемую рабочую силу, а также рост иностранного населения. В конце 80-х годов увеличение числа мигрантов вызвало озабоченность местных властей. Они решили проводить ряд мер по возвращению иммигрантов на родину. Возвращающимся Германия выплачивала 10,5 тысяч марок, с дополнительными выплатами для членов семьи. Этой программой воспользовались лишь 40 тысяч иностранцев. Оставшиеся играли большую роль в развитии экономических, социальных и культурных сфер. Основную часть иммигрантов в Германии составляют турки-мусульмане, число которых превышает 2,7 миллионов. В то же время мигранты из Африки, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока переселяются в Германию. Интеграцию мусульманских мигрантов в немецкое общество можно оценивать в двух аспектах. Во-первых, мусульманская культура интегрируется с западной, мигранты получают мировые знания, и это показатель успеха мультикультурализма. Однако, правительство и большинство населения с осторожностью подходят к явлениям иной культуры и религии. Немцы с особым ментальным комплексом, в основном, опасаются исламофобии. Если философски подойти к политике мультикультурализма, можно согласиться с тезисом, что бытие определяет сознание, а также влияет на всестороннее формирование. Как и в других высокоразвитых странах Европы, в Австрии и Швейцарии в последние годы уделяется большое внимание политике взаимопонимания и одновременно сохранения культурной идентичности.

Философский анализ мультикультурализма доказывает, что теория культурного плюрализма делает акцент на равном достоинстве всех культур, входящих в общество. В реальной жизни человек думает и действует как все, как некоторые, как никто другой. В глобальном мире чистых культур не существует. Культурное многообразие – процесс неизбежный. Философские концепции мультикультурализма затрагивают все стороны общественной жизни, включая искусство. Отказ от культурного универсализма является отказом от процесса интеграции и ассимиляции.

Франция как передовая европейская страна столкнулась с проблемами взаимопонимания культур. Осознание культурной

неоднородности страны приводит к сложным проблемам в обществе. Поток мигрантов во Францию, культурное и религиозное различие иммигрантов еще раз вынуждает государство делать важные шаги для сохранения идентичности. Под влиянием глобализации, интернета, интеграции многие традиционные ценности меняются.

Франция, понимая большую роль диалога культур и цивилизаций, сдерживается назвать страну многокультурной, хотя количество мигрантов из Африки и Ближнего Востока в 2015 году составило приблизительно 80 000 человек. Статус беженца получили 19500 человек, в том числе 4800 суданцев, 3500 сирийцев и 3100 выходцев из Косово. Остальную часть беженцев составили выходцы из Китая, Бангладеш, Конго и т. д.

Если речь идет об «интеграции как процессе взаимного приспособления, при котором иммигрант разделяет основные ценности принимающего общества, не отказываясь при этом от своей культурной идентичности [3, с. 25]».

Франция в политике мультикультурализма предполагала ассимиляцию и интеграцию. Культурный универсализм во французском обществе неизбежен для того, чтобы построить светскую, гражданскую республику. Иммиграция как основной двигатель мультикультурализма и глобализации – сам по себе процесс, имеющий необратимый исход.

Основной проблемой во Франции, связанной мультикультуральной идеологией, стал ислам. Попытки ассимилировать мусульманское население страны привело к недовольству мигрантов. Настоящая этнополитика Франции вряд ли станет либеральной, несмотря на миролюбивую характеристику мультикультурализма.

Мультикультурализм в России как культурологический принцип имеет более древние корни, несколько сложное в своих политических последствиях. Многонациональный состав населения страны, наличие национально-территориальных субъектов Федерации, проблем, связанных с иммигрантами из стран СНГ, отличает характеристику мультикультурализма в России от западной тенденции. Мультикультурализм в России имеет более древние корни. В свое время в СССР образовалась единая советская культура. Литература, искусство братских народов в результате взаимоотношений расцвели и развивались.

Произведения А.С. Пушкина, В.В. Маяковского, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова переводились на многие языки советского пространства. Культура братских народов с помощью русского языка, как языка межнационального общения, распространялась по всей территории СССР.

Таким образом, «чужой» становится «своим». Если относиться философски, «свой» – это еще не «родной», поэтому для интеграции нужны были дополнительные меры по социализации.

После распада СССР понятия того же межкультурного диалога обрели иной характер.

На сегодняшний день Россия, как и другие страны Европы, принимает каждый год тысячи мигрантов из разных стран мира, несмотря на все проблемы, которые несет с собой миграция. Россия как многокультурная страна применяет различные модели для урегулирования конфликтов, возникающих у коренного населения с мигрантами.

В России мультикультурализм имеет ряд достоинств. В первую очередь, это сохранение плюрализма в сфере культурных образований, когда наряду с развитием государства развиваются и культуры его народов. Главная задача состоит в том, чтобы поддерживать каждую этническую культуру любым способом. Следующим положительным моментом является защита национальных меньшинств. Общество должно воспитывать в себе уважение к другим группам, поддерживать теплые дружеские отношения и быть терпеливым.

В процессе глобализации в Азербайджане как неотъемлемой части современного мира идеология мультикультурализма развивается на основе государственной политики. В нашей республике создаются все условия для сохранения этнического разнообразия. Толерантность для каждого азербайджанца является образом жизни, а государство создает все условия для нормального и спокойного проживания этнических меньшинств.

На сегодня народы, принадлежащие к различным религиям, нациям, этническим меньшинствам, живут в Азербайджане в условиях мира и спокойствия. Азербайджан является многонациональной, многоконфессиональной страной. На территории Азербайджана одновременно действуют мечети, синагоги и церкви.

На сегодняшний день с культурой Азербайджана знакомы во всем – благодаря азербайджанскому мугаму, кухне, танцам, которые служат глубокому сближению разных культур мира.

Велика роль первой леди Азербайджана, президента Фонда им. Г. Алиева Мехрибан Алиевой в области развития межкультурных отношений стран мирового сообщества. В этом году намечается открытие Французского Университета. Это один из фактов активной политики мультикультурализма в нашей стране. Проведение спортивных соревнований, международных олимпиад – тоже результат успешной государственной политики.

Философская суть азербайджанского мультикультурализма означает формирование и нормы осуществления различных культур и их носителей в одном обществе, а также в едином правовом, социальном, культурном и экономическом пространстве.

Сегодня мультикультурализм и толерантность – образ жизни в Азербайджане. Как сказал Президент Ильхам Алиев, «Азербайджан в 2017 году станет хозяином Исламских игр – и это доказательство мультикультуральной политики нашей страны» [2, с. 2].

Список литературы:

1. Антонова В.К. Великобритания обречена на мультикультурализм или мультикультурализм в Великобритании обречен. // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – № 2. – С. 213–230.
2. Речь Президента И. Алиева на IV Международном Гуманитарном форуме. – 2014. – С. 2.
3. Соболев В.Г. Мусульманские общины в государствах Европейского союза: проблемы и перспективы. СПбГУ, факультет международных отношений. – СПб, 2003. – С. 25.

ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Куняшова Елена Валерьевна

аспирант кафедры философии

Астраханского государственного университета,

РФ, г. Астрахань

E-mail: elenakunyashova@mail.ru

ALIENATION PHENOMENON IN THE GLOBALIZATION ERA

Elena Kunyashova

post-graduate department of philosophy of the Astrakhan State University,

Russia, Astrakhan

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена социально-философскому анализу проблемы отчуждения в современную эпоху. В информационном обществе

феномен отчуждения носит глобальный характер и затрагивает все сферы жизни человека и проявляется в разрушении традиционных межличностных связей, привычных форм общественной жизни, отчуждение от власти, государства, результатов и продуктов собственного труда, от окружающего мира и собственных внутренних установок.

ABSTRACT

The article is devoted to the socio-philosophical analysis of the problem of alienation in the modern era. In the information society of alienation phenomenon is global and affects all spheres of human life and is manifested in the destruction of traditional interpersonal relations, the usual forms of social life, alienation from government, the state, results and products of their own labor, from the outside world and its own internal systems.

Ключевые слова: отчуждение; глобализация; человек; общество; индивидуальность; культура; свобода.

Keywords: alienation; globalization; people; society; identity; culture; freedom.

Современная эпоха к числу извечных философских проблем добавляет одну принципиально новую, не существовавшую прежде проблему мировой глобализации. Процесс глобализации внес многочисленные серьезные изменения в развитие общества. Исследователи отмечают, что вектор социального развития сместился в сторону динамичных микросоциальных общностей, что составляет социокультурную среду бытия человека [2, с. 101]. При этом возрастает степень индивидуально-личностного выбора индивидом социальной общности.

XX столетие оказалось богатым на перемены, так, можно отметить трансформации, происходящие в области этнонациональных отношений, изменение системы ценностей, компьютеризацию, информатизацию, кибернезацию. В условиях рыночной системы человек воспринимает себя как товар или услугу, ориентированную на рыночный спрос. Будучи частью «цивилизации, околдованной вещами», современный человек ставит главной целью своей жизни быть успешно проданным [4, с. 279].

Положение человека в мире сегодня показывает, что проблема отчуждения не является абстрактной конструкцией, воплощенной в философских концепциях. Новая общественная реальность доказывает, что инновационные технологии, техника и другие проявления прогресса, не могут устранить проблему отчуждения.

Постиндустриальное общество показывает многогранность проблемы отчуждения, проявляющуюся на всех уровнях человеческого бытия. Трансформации, происходящие в социуме, порождают новые формы и виды отчуждения. Эпоха конца XIX – начала XX веков принесла с собой кровопролитные войны, ожесточенные социальные конфликты, внутренний духовный кризис, нестабильность общественного сознания и усложнение коммуникационных процессов, что увеличило масштабы отчуждения. Исследователи отмечают, что в современном мире с развитием сущностных сил человека отчуждение увеличивается [2, с. 105].

Отчуждение становится базовой характеристикой социума, оно проявляется в личностной, политической, социальной, духовной и др. сферах. Отчуждение ярко проявляет себя в социальных отношениях, особенно в крупных городах и мегаполисах. Жизнь человека в таких городах отличается «повышенной нервностью», которая происходит от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений [3, с. 24]. В мегаполисе человек не зависит от природных условий, большую роль в его жизни приобретают деловые связи и контакты. Так, Г. Зиммель видит различие между жителями больших и малых городов в отношении к окружающим: более проникнутые взаимоотношения присущи людям в небольших городах [3, с. 25]. Денежное хозяйство, господствующее в мегаполисах воспитывает в человеке потребность «брать», подменяя желание «давать».

Взаимоотношения человека и современного общества представляют собой перманентный конфликт. Общественные институты подавляют и угнетают человека, включая его в общую систему, превращая в часть единого механизма, нивелируют его индивидуальность, обезличивают. Такая форма взаимодействия порождает у индивида необходимость сохранить свою уникальность, свое «Я», обращаясь к различным способам, включая антиобщественные. Это может выражаться в добровольном уединении дома, в семье или в активном общественном противостоянии, будучи частью преступного мира. Уход от «Других» в свое внутреннее личностное пространство очень важно для человека, в этом духовном мире индивид может реализовывать свое истинное «Я».

Современное обществу присуще противостояние человека и техники, прогресса, что является одной из причин отчуждения. Происходит разрушение гармоничных отношений человека с природой и окружающим миром, создается угроза реальной экологической катастрофы. Мы можем наблюдать распад природы самого человека.

Безусловно, преобразование всей действительности представляет собой необходимый элемент в развитии человека и общества, и развитие техники удовлетворяет социальные потребности и нужды. Однако, антропогенное воздействие на природу посредством техники привело к ее разрушению и угрозе существования человечества. Исследователи современного общества обращают внимание на влияние научно-технического прогресса на все стороны жизни человека и тенденцию нивелирования личности. Современному обществу необходим человек-производитель и человек-потребитель. Будучи частью целого, человек представляет собой элемент механизма, лишаясь индивидуальности. В статье «Ценностная парадигма высокотехнологичного общества» Л.В. Баева указывает на фактор роботизации, который активно набирает обороты в современную эпоху. Автор полагает, что замещение человеческого труда в сфере производства способствует трансформациям в ценностных приоритетах личности [1, с. 53].

Одним из проявлений феномена отчуждения в современном обществе является массовая культура. В сфере культуры распространение и влияние информации оказывает существенное влияние, наравне с экономической и социальной сферами. Информационные технологии оказывают определяющее воздействие на человека, его жизненный мир, культуру. Массовая культура постиндустриального общества формирует «человека наслаждающегося», который не нуждается в самореализации и духовном росте. Отношение индивида к другому, как высшей ценности, сменилось на утилитарное и потребительское. Современное общество характеризуется разрывом традиционных связей между людьми.

Создание универсальных шаблонов и образцов, на которых воспитывают всех членов социума, приводит к уравниванию и нивелированию личности. Реклама, телевидение, кинематограф, пресса навязывают нормы и стандарты поведения, образа жизни, стиля одежды и пр. Слепое следование моде приводит к потере индивидуальности и своеобразия.

Исследователи современного общества отмечают момент парадоксальности: могущество человечества определило его же бессилие. Собственная мощь противостоит человеку как чуждая ему сила, происходит потеря индивидом собственных убеждений, традиций, коммуникабельности, наступает одиночество [2, с. 117] В сознании человека обесцениваются интеллектуальные, этические, эстетически и др. ценности. Истинные человеческие ценности, такие как добро, любовь, дружба, милосердие уступают место материальным ценностям.

Современная эпоха показывает, что человек отчужден от природы, от общества и самого себя. Однако, он обладает большей свободой, чем в прежние времена. Человек свободен в выборе рода деятельности, образа жизни, круга общения, идеалов и т. д., способствующих преодолению отчуждения. На сегодняшний день ни одно общество не преодолело отчужденных состояний, наоборот, новые тенденции усиливают отчуждение. Преодоление этих состояний представляет собой постепенное движение к свободе.

Список литературы:

1. Баева Л.В. Ценностная парадигма высокотехнологичного общества // Вестник ВолГУ. Серия 7 «Философия. Социология и социальные технологии». – 2011. – С. 51–59.
2. Вальц Л.Л. Эволюция отчуждения как социального феномена в условиях глобализации: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Вальц Любовь Леонидовна; [Место защиты: ГОУВПО «Балтийский государственный технический университет «Военмех»»]. – Санкт-Петербург, 2010. – 156 с.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – М., 2002. – № 3-4. – С. 23–35.
4. Хинтибидзе Ц.Ч., Горозия В.Е. Маркузеанская критика западной цивилизации // Человек. Государство. Глобализация / Под ред. В.В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество; Тбилиси: Ин-т политологии АН Грузии, 2005. С. 279–295.

СУЩНОСТЬ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Ликсунова Анна Сергеевна

*соискатель кафедры философии
Челябинского государственного университета,
РФ, г. Челябинск
E-mail: lady_liksynova@mail.ru*

THE ESSENCE OF THE TRADITIONS OF THE RUSSIAN OFFICERS: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Anna Liksunova

*applicant for the Department of philosophy, Chelyabinsk state University,
Russia, Chelyabinsk*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются традиции русского офицерства, дается их философский анализ и классификации. Русские воинские традиции зародились еще до возникновения регулярной армии, и сегодня являются неотъемлемой частью армии России. Воинские традиции представляют собой многоуровневое явление, которое функционирует как в материальной, так и в духовной сфере деятельности. Изучение влияния традиций на нравственный облик военнослужащего способствует формированию личностных качеств, так необходимых Российскому офицеру.

ABSTRACT

The article analyzes traditions of Russian officers, subjects them to philosophical analysis and classification. Russian military traditions originated before the establishment of the regular army, and are now an integral part of the Russian army. Military traditions are a multi-level phenomenon which operates both in material and spiritual field. The study of the influence of tradition on the moral character of the soldier contributes to the formation of personal qualities, so necessary to the Russian officer.

Ключевые слова: воинские традиции; русский офицерский корпус; российская армия; военнослужащие.

Keywords: military tradition; the Russian officer corps; the Russian army; soldiers.

В свое время Гегель выдвинул положение о том, что многие понятия взаимосвязаны, и те понятия, что на первый взгляд кажутся абсолютно нейтральными, в процессе их осмысления наполняются более глубоким смыслом. Таким образом, Гегель обогатил философию разработкой диалектического метода. Это высказывание в полной мере отражает суть традиций офицерства.

Российская армия является носителем огромной духовной силы, высокой нравственности могучего народа и его лучших традиций. Воинские традиции берут свое начало со времен образования

княжеских дружин, когда военная служба еще была не систематизирована, но воинские традиции, такие как любовь к Родине и верность воинскому долгу, уже существовали. С учреждением Петром I регулярной армии, установилась и система воинских традиций. Со временем традиции видоизменялись, развивались и совершенствовались, во многом благодаря выдающимся военачальникам, таким как, П.А. Румянцев, А.В. Суворов, М.И. Кутузов.

Само понятие традиции современный толковый словарь русского языка понимает, как «исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы и т. п.» [1, с. 7].

Философ С.Г. Кара-Мурза отмечает: «... история культуры показала, что именно пережитки («традиция») являются и условием подвижности народа. Традиции – это тот фонд, который позволяет следующему поколению народа сэкономить силы и средства для освоения главных новшеств и ответить на вызов. Традиции позволяют передать следующему поколению весь массив техники и знаний, избавляет его от бесполезных опытов. Сыновья могут идти вперед, имея надежный тыл» [3, с. 79]. По словам А.С. Макаренко, «традиции – «это социальный клей», который соединяет разрозненные территориально, но однородные по своему составу и социальному назначению единицы» [5, с. 85].

Воинские традиции – это исторически сложившиеся и передающиеся из поколения в поколение правила, нормы и обычаи в воинской среде, которые выступают регулятором воинских отношений. На мой взгляд, понятие традиции более обширное и глубокое, в него входит понятие и ритуала, и церемоний. Исходя из определений, можно выделить следующие особенности традиций: преемственность (устойчивость); массовость; эмоциональность; почитание.

Еще одна особенность воинских традиций состоит в том, что они возникают и проявляются на всех ступенях профессиональной деятельности военнослужащего, начиная с курсантов училищ и институтов. Именно воинские традиции являются своеобразным фундаментом, на котором строятся отношения всего воинского коллектива. Таким образом, воинские традиции являются важным элементом атмосферы внутри коллектива, в котором пребывает курсант, офицер, военнослужащий.

Роль традиций в воинском воспитании еще в начале XX века отметил М.С. Галкин в своей книге «Новый путь современного офицера», где утверждал, что «... каждая войсковая часть имеет

известные войсковые традиции, боевые и мирного времени. Они, так сказать, создают физиономию части, те каналы, по которым направляются поступки» [2, с. 64].

Условно все воинские традиции можно классифицировать по следующим принципам: по общности: общие и частные; по направленности: прогрессивные и регрессивные; по объекту носителя традиций: курсантские, офицерские, нижних чинов; по характеру деятельности: боевые, воспитательные, традиции воинского быта.

Среди наиболее значимых боевых традиций можно выделить следующие: верность воинскому долгу, верность присяге, храбрость, самоотверженность, героизм, любовь к Родине, любовь к воинской части, к её боевому знамени, взаимовыручка, гуманное отношении к противнику.

Среди значимых традиций воспитания и обучения можно выделить такие традиции, как: добросовестное отношение к изучению военного дела, воспитание в духе религиозности и преданности престолу, патриотизм, высокий уровень дисциплинированности и исполнительности, товарищеская взаимопомощь, воспитание на героических примерах, забота о поддержании чести воинского мундира.

Среди традиций воинского быта можно выделить следующие: поддержание строгого порядка воинской части, соблюдение образцового внешнего вида, соблюдение чистоты мундира и формы, сохранение здоровья военнослужащего, организация досуга военнослужащего и др.

Таким образом, система воинских традиций включает боевые традиции, традиции обучения и воспитания, а также традиции воинского быта. Поскольку все традиции находятся в непосредственной связи между собой, в совокупности они определяют все функционирование Вооруженных Сил РФ.

Деятельность военнослужащих сложна и многогранна, и потому свое развитие получают различные, не похожие друг на друга традиции, которые являются отражением воинской деятельности.

Традиции имеют прогрессивный характер, поскольку формируются под воздействием таких факторов, как:

1. Внутренняя и внешняя политика государства.
2. Влияние военных традиций зарубежных государств.
3. Влияние массовой культуры.
4. Деятельность главнокомандующих войсками, религиозных представителей и мыслителей.

5. Самоорганизация Вооруженных Сил.

Анализ сущности воинских традиций позволяет говорить о традициях как об устойчивых, предающихся из поколения в поколение правилах, нормах и обычаях в воинской среде, выступающих регулятором воинских отношений. Так, традиции отражают все необходимые требования к современному офицеру, его профессиональной деятельности, которые определяются политическим строем, природой Вооруженных Сил, а также требований, записанных в уставах и приказах [4, с. 13].

Анализ и изучение боевых традиций позволяет говорить о том, что каждая традиция имеет определенную структуру, в основе которой заложены взаимосвязанные социальные и политические явления. Первой ступенью в структуре традиций выступает потребность воинского коллектива. Вторая ступень представляет собой мотивацию поведения как «зеркало» коллективной психологии потребности. Третьей ступенью является программа, то есть содержание традиции. Непосредственно процесс формирования традиций может протекать тремя путями: во-первых, спонтанно и непреднамеренно, во-вторых, запланировано (обусловлено необходимостью в потребности объекта), в-третьих, объективно, как планомерный, органичный процесс.

В результате одни традиции являются целенаправленной деятельностью человека, другие традиции (которых большинство) возникают спонтанно и не зависят от целей и желаний человека.

Таким образом, воинские традиции представляют собой многоуровневое явление, которое функционирует как в материальной, так и в духовной сфере деятельности. Изучение влияния традиций на нравственный облик военнослужащего и управление процессом в условиях реформирования, несомненно, будет способствовать формированию личностных качеств, необходимых Российскому офицеру.

Список литературы:

1. Большой толковый словарь русского языка. Ред. Кузнецов С.А., СПб: Изд-во Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Галкин М.С. Новый путь современного офицера. – СПб: Военная типография, 1907. – 142 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Россия под ударом. Угрозы Российской цивилизации. – М: Изд-во Яуза-пресс, 2010. – 143 с.
4. Кривицкий А. Традиции русского офицерства. – М: Военное Изд-во Народного Комиссариата Обороны, 1946. – 108 с.
5. Макаренко А.С. Собрание сочинений в семи томах. Изд-во Академии педагогических наук РСФСР. – Том 1. – 299 с.

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ: МЕТАМОРФОЗЫ ПРОБЛЕМЫ

Улевич Елена Стефановна

*канд. филос. наук, доц. кафедры философии
и социальных коммуникаций*

*Омский государственный технический университет,
РФ, г. Омск*

E-mail: [lena5501@mail.ru](mailto:lana5501@mail.ru)

PERSONALITY DEVELOPMENT: METAMORPHOSIS OF THE PROBLEM

Elena Ulevich

*candidate of Science assistant professor of Omsk State University,
Russia, g. Omsk*

АННОТАЦИЯ

Идея развития личности изначально была присуща философии, но вопрос *как* должен развиваться человек, всегда вызывал много споров. Решение этого вопроса зависит от того, как понимается человек и, исходя из этого, чем детерминируется его развитие. Отдельное внимание уделяется широко распространенному в советской философской литературе понятию «всестороннее развитие личности». Тезис о развитии личности в информационную приобретает особую актуальность, что отражено в образовательных стандартах.

ABSTRACT

The idea of the personality development was initially inherent in philosophy, but the question, how the man should develop, was always causing many disputes.

Solution of this problem depends on how the man is understood, and, based on that, how his development is determined. Special attention is paid to the notion of “comprehensive development of personality”, widely spread in the soviet philosophy. Thesis of the personality development in the information age is not only not being removed from agenda, but on the opposite, is of the particular relevance, what is reflected in the educational standards.

Ключевые слова: Человек, личность, всестороннее развитие, разум, воля, свобода, рационализм, иррационализм, информационное общество, знание, саморазвитие.

Keywords: man, personality, comprehensive development, mind, will, freedom, rationalism irrationalism, information society, knowledge, self-development.

Проблема развития человека возникла с того самого времени, как только человек занял центральное место в философских исследованиях, то есть в период Античности, а именно на сократическом этапе его развития. Ответ на вопрос, должен ли человек развиваться, был очевидным для древнегреческих философов. Но вопрос *как* развиваться – уже не представляется таким очевидным, и во многом зависит от того, как понимается человек. Так, Платон в диалоге «Федр» представляет структуру человеческой души следующим образом: эмоции и чувства (аффективная часть души), воля (вожделирующая часть души) и разум. Платон образно и ярко описывает сущность каждой части души, сравнивая их с возничим и конями. Возничий – конечно же, разум, который управляет конями. Характерно описание коней: «Один из них прекрасных статей, стройный на вид, шея у него высокая, храп с горбинкой, масть белая, он черноокий, любит почет, но при этом рассудителен и совестлив; он друг истинного мнения, его не надо погонять бичом. А другой – горбатый, тучный, дурно сложен, друг наглости и похвальбы, от косм вокруг ушей он глухой и еле повинуется бичу и стрекалам» [3]. В этом описании отчетливо прослеживается отношение Платона к чувственной части души. Ее главный недостаток – неуправляемость со стороны разума. Высшая часть души – это разум и, следовательно, развитие человека есть развитие его разума, движение мысли от незнания к знанию. Эта особенность понимания человека, впоследствии названная рационализмом, была заимствована Платоном у его учителя, Сократа, во время проведения им диалогов. Сократ, по воспоминаниям современников, сравнивал себя с оводом, который приставлен к коню, чтобы не дать ему застояться. Одним словом, применив свой метод, метод вопрошания, который Сократ называл майевтикой, Сократ ставил собеседника в тупик, заставляя его думать.

Однако было бы ошибочным считать, что, с точки зрения античных мыслителей, развитие человека сведено лишь к накоплению знания, к развитию его мышления. Учение Сократа, названное впоследствии рационалистической этикой, не сводит его понимание человека к рацио, к совершенствованию сознания. Знание необходимо

для совершенствования нравственности. Человек, знающий, что такое добро и зло, с необходимостью выберет добро, знающий, что такое скупость и щедрость, выберет щедрость и, в конечном итоге, будет нравственным человеком. Впоследствии эта рационалистическая традиция понимания человека будет нарушена в философии А. Шопенгауэра. Разум, с точки зрения Шопенгауэра, не на вершине души; разум управляем. Эта иррационалистическая линия будет продолжена в философии Ф. Ницше.

Проблема развития личности претерпела значительные метаморфозы. Тезис о всестороннем развитии личности, активно обсуждаемый в советский период развития философии, был выдвинут значительно раньше. Ф. Энгельс писал об эпохе Возрождения: «Эта эпоха нуждалась в титанах и породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености» [5, с. 346]. «Герои того времени, – продолжает далее Ф. Энгельс, – пока не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, создающее однобокость» [5, с. 347] Но еще до Энгельса идея всестороннего развития личности присутствовала в трудах социалистов-утопистов, выдвинувших идею совмещения умственного труда и физического (в ироничном варианте – «землю попашет, попишет стихи»). Так, Т. Мор, описывая уклад жизни в Утопии, говорит о необходимости менять род деятельности – городские жители переезжают на несколько лет в деревню, занимаются земледелием, животноводством, виноделием и, таким образом, тяжелый физический труд не будет считаться пожизненно закрепленным за отдельными сословиями [1]. Таким образом, физический труд, считавшийся долгое время уделом рабов, был реабилитирован, равно как и техническое творчество, считавшееся в эпоху античности уделом низших сословий. Леонардо да Винчи с гордостью говорил о себе, что может и башню построить, и болото осушить.

Нетрудно заметить, что антагонизм умственного и физического, чувственного и рационального в понимании человека, присущий античным мыслителям, снимается в трудах мыслителей эпохи Возрождения.

Идея всестороннего развития личности в советской философской литературе была едва ли не в центре каждого исследования, посвященного развитию человека. Однако она оставалась лозунгом, благим пожеланием, поскольку не был разработан механизм воспитания такой личности. Трудность достижения цели объяснялась и объективными факторами – в первую очередь, высоким уровнем разделения труда. В истории человечества мы знаем немало примеров

энциклопедической учености, однако, все эти примеры большей частью из прошлого. Процесс разделения труда охватил не только сферу материального производства, но и духовного. Высокий уровень специализации охватил и такую деятельность, как наука. В 2010 году была присуждена престижная премия Филдса в области математики российскому математику С. Смирнову «за доказательство конформной инвариантности двумерной перколяции и модели Изинга в статистической физике» [2]. Когда журналисты попросили разъяснить суть открытия на более понятном языке, то последовал ответ, что на язык обыденной речи не переводится. Более того, не все математики смогли объяснить суть открытия – не потому, что их уровень ниже, а потому, что они работают в других областях математики. Схожая ситуация и с премией Тысячелетия, которая присуждена в этом же году Г. Перельману. Благодаря средствам массовой информации многие знают, что Г. Перельман отказался от премии, но немногие могут объяснить, в чем суть доказательства гипотезы Пуанкаре. Математики объясняют сложившуюся ситуацию тем, что работают в других областях математики. Таким образом, высокий уровень специализации, затронувший все виды деятельности, делает невозможной энциклопедическую ученость, всестороннее развитие личности в наше время.

Вместе с крушением социализма эта проблема не канула в Лету, но отошла на задний план. Осталась ли проблема развития личности – должен ли человек развиваться, и, если должен, то как? Если ответ на первую часть вопроса очевиден и этот ответ положительный, то вторая часть вопроса требует пояснений и вызывает многочисленные дискуссии.

Современный этап развития общества, информационное общество, не только открывает широкие *возможности* развития человека, но настоятельно требует такового, что свидетельствует о необходимости развития человека, а именно о его саморазвитии и самообразовании. Информационное общество характеризуется высокой конкуренцией не только в сфере материального производства, но и духовного производства. Это влечет за собой необходимость смены деятельности, следовательно, и получение нового образования для освоения этих видов деятельности. Это отражено в государственных образовательных стандартах высшего образования, где выпускнику многих направлений подготовки предписывается освоение важнейшей общекультурной компетенции – самообразование личности [4].

Список литературы:

1. Мор Т. Утопия – [Электронный ресурс]: – http://lib.ru/INOOLD/MOR/utopia.txt_with-big-pictures.html (Дата обращения: 08.06.2016).
2. Российский математик Станислав Смирнов удостоен Филдсовской премии – [Электронный ресурс]: – <http://www.forbes.ru/news/54869-rossiiskii-matematik-stanislav-smirnov-udostoen-fildsovskoi-premii> (Дата обращения: 08.06.2016).
3. Платон. Федр. – [Электронный ресурс]: – <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/fedr.htm> (Дата обращения: 08.06.2016).
4. Федеральные образовательные стандарты высшего образования – [Электронный ресурс]: – <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/28> (Дата обращения: 08.06.2016).
5. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20. – М: Политиздат, 1961.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам
LXII-LXIII международной научно-практической конференции

№ 6-7 (57)
Июль 2016 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 27.07.16. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6. Тираж 550 экз.

Издательство АНС «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3